

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

на тему:

**Образ Петра I как языковая личность (на материале романа А. Толстого
«Петр I»)**

основная образовательная программа магистратуры по направлению
подготовки 45.04.02 «Лингвистика»

Исполнитель:

Обучающийся 2 курса
образовательной программы
«Русский язык и русская культура
в аспекте русского языка как иностранного»

очной формы обучения

Иванова Александра

Научный руководитель:

д.ф.н., д.п.н., проф., проф. Прохоров Ю.Е.

Рецензент:

к.ф.н., доц. Жукова А.Г.

Санкт-Петербург
2018

Содержание

Введение.....	2
Глава 1. Теоретические основания комплексного анализа языковой личности в современной лингвистической науке.....	7
1.1 Языковая личность как объект лингвистического исследования.....	7
1.2 Коммуникативное поведение языковой личности в аспекте коммуникативной ситуации.....	22
1.3 Особенности представления языковой личности в пространстве художественного текста	34
Глава 2. Анализ образа Петра I как языковой личности (на материале романа А.Н. Толстого «Петр Первый»)	39
2.1 Анализ лексикона языковой личности	39
2.2 Анализ тезауруса языковой личности	50
2.3 Анализ прагматикона языковой личности	75
Заключение	83
Список использованной литературы.....	87
Список использованных словарей.....	92
Приложение	93

Введение

Настоящая диссертационная работа посвящена исследованию структуры, содержания и лингвокультурной составляющей языковой личности Петра Первого, представленной в романе А.Н. Толстого.

Антропоцентрический подход, в рамках которого обращение к личности говорящего стало для лингвистической науки естественной проблемой, решаемой путем многопланового и разноаспектного рассмотрения различных личностных, языковых и коммуникативных параметров, создает предпосылки к рассмотрению любого субъекта коммуникации как реальной языковой личности, реализующей свои целевые установки общения. Ю.Н. Караулов определяет языковую личность как «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [17, с. 245].

Рассмотрение с данных позиций персонажа художественного текста представляется нам полностью обоснованным и корректным на том основании, что текст является особой самостоятельной художественной реальностью, в рамках которой персонаж реализуется как личность во всех ее проявлениях и так же воспринимается читателем.

Актуальность данного исследования определяется тем, что в современном сознании носителей русского языка Петр Первый как языковая личность, с одной стороны, безусловно, присутствует и в достаточно широком коммуникативном пространстве своего времени, и в актуальном коммуникативном пространстве. При этом одной из определяющих баз наличия данного образа в языковом плане представляется именно роман А.Н. Толстого, материал которого во многом является основой для создания и языковой картины времени, и языковой личности самого Петра Первого во

входящих в когнитивное сознание носителей русского языка произведениях других жанров (прежде всего, кинематографических).

Объектом исследования являются как лингвокогнитивные характеристики языковой личности Петра Первого, так и коммуникативные пространства, в которых данная языковая личность находит свою реализацию.

Предмет исследования – вербальные и невербальные средства реализации языковой личности Петра Первого.

Целью исследования является описание лингвокогнитивных характеристик языковой личности Петра Первого на базе представленной в романе языковой картины.

Для достижения цели исследования будут решаться следующие **задачи**:

1. Исследована теоретическая база, основанная на современных положениях лингвокогнитивной науки, теории коммуникации, теории языковой личности и коммуникативного поведения.
2. Проанализированы вербальные и невербальные составляющие языковой личности Петра Первого, реализуемые в заданных в романе коммуникативных пространствах.
3. Выявлены мотивационные установки коммуникативного поведения и векторы направленности речевой деятельности рассматриваемого персонажа.
4. Выявлено универсальное и специфическое в функционировании и проявлении языковой личности Петра Первого.

Методы исследования:

- приём сплошной и частичной выборки материала;
- метод компонентного анализа;
- описательный метод;
- метод дистрибутивного анализа;
- методика структурирования семантического поля;
- сравнительно-сопоставительный метод;
- метод концептуального анализа.

Материалом исследования является текст романа А.Н. Толстого «Петр Первый».

Научная новизна исследования заключается в многоплановом описании языковой личности Петра Первого и реализации языковых и невербальных форм ее проявления. Особым объектом внимания исследования становятся лингвокогнитивные структуры, обладающие мотивационным компонентом в сознании языковой личности. Мы называем эти структуры лингвокогнитивными стимулами и рассматриваем их как реализацию мотивационно-деятельностных установок личности; основываясь на предлагаемой нами модели, мы проводим комплексный анализ языковой личности персонажа и достигаем поставленной цели исследования.

Гипотеза исследования состоит в том, что именно многоплановое описание языковой личности и форм ее проявления в коммуникации позволяет не только более полно оценить характеристики самой личности, но и способы реализации тех целевых установок, которые задаются в рамках пространства общения.

Положения, выносимые на защиту:

1. Анализ лексикона языковой личности Петра Первого дал следующий результат. Ключевыми лексико-семантическими группами словника являются группы: «Бог», «Война», «Город», «Государство», «Дело», «Деньги», «Люди», «Море» а также специфическая группа модальности «Надо» и группа «Время», включающая представления о времени, репрезентированные в сознании языковой личности. Также была выделена и рассмотрена группа самономинации, в рамках которой отмечается характерная динамика развития самосознания и перенос личного «я»-определения на «мы»-определение, где под «мы» подразумевается российское государство, высшим должностным представителем которого выступает персонаж.

2. На уровне тезауруса нами рассматривается система ключевых для личности идейно-понятийных структур, определяемых нами как

лингвокогнитивные стимулы и несущих в себе мотивационный компонент, который направляет вектор деятельности персонажа. Наиболее значимым понятием нам представляется понятие «дела», в рамках которого реализуются деятельностные мотивации. Стимульные структуры представляют собой особые когнитивные единицы, обладающие уникальной семантизацией и мотивационным прагматическим компонентом. К таким структурам в сознании Петра Первого относятся стимулы «море», «война», «люди» и пр.

3. Рассматриваемому персонажу свойственно дихотомичное представление о реальности, в котором также отражается специфический внутренний конфликт персонажа. В этом плане мы наблюдаем противопоставление положительно окрашенных понятий («море», «реформа», «просвещение», включающихся в представление о европейском образе жизни; концентрацией этих понятий становится образ города «Питербурга») и отрицательно окрашенных понятий («старина», «скука», «глупость», объединенные образом города «Москва»).

4. На прагматическом уровне мы отмечаем основные специфические параметры коммуникативных ситуаций, определяемые статусом рассматриваемого персонажа и высокой степенью его эмоциональности; в соответствии с последним выделяется широкий спектр невербальных средств коммуникации, поскольку в состоянии крайнего эмоционального возбуждения происходит разрушение речевого комплекса Петра Первого. Также выделяются ключевые коммуникативные стратегии и тактики и способы их реализации, включая обращение к косвенному адресату, направленность речевой деятельности на информационно продуктивное общение, преобладание высказываний-приказов и информационно ориентированных вопросов, обилие негативных коннотаций в связи с невозможностью изменения ситуации. Общий вектор направленности речевой деятельности – стремление к достижению изменений с положительной маркированностью, реформация действительности.

Теоретическая значимость настоящей работы заключается в том, что она включается в круг работ по описанию форм и способов проявления языковой личности как элемента русской языковой картины мира определенного времени.

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут использоваться как в практике культурологического анализа речи героя художественного произведения, так и в дальнейшем развитии теории языковой личности.

Структура работы. Настоящая диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, списка использованных словарей и приложения.

Глава 1. Теоретические основания комплексного анализа языковой личности в современной лингвистической науке

1.1 Языковая личность как объект лингвистического исследования

С середины XX века системно-структурная парадигма исследований, в русле которой развивались различные отрасли знаний, постепенно и неуклонно меняет курс. В частности, этому способствует появление многочисленных трудов и открытий в области психологии и общая разработка областей гуманитарного знания не только с точки зрения их формального выражения, но и с точки зрения истоков, переосмысления концепций и определений данных проявлений. Так, А.А. Леонтьевым создается теория речевой деятельности, ставшая одной из главных основ для создания и выделения психолингвистики в качестве отдельной науки; разрабатываются положения социолингвистики, определяются такие понятия, как языковая картина мира и концепт; в конце концов, все большее количество исследователей переходит от наблюдения над текстом и языком к наблюдению над речью, что требует ответов на многие вопросы, связанные с человеком как источником и участником языковых процессов. В науке формируется новая антропоцентрическая парадигма, которая к началу XXI века становится ведущей в большинстве областей знания – она приходит на смену сравнительно-исторической и системно-структурной парадигмам, определяя новые подходы и тенденции в развитии науки.

Одним из ключевых понятий, повлиявшим на становление антропоцентрической парадигмы, стало определение психологами понятия личности. Необходимо сказать, однако, что понятие это было введено достаточно давно и использовалось в различных языках с различными значениями. Так, «личность» (в разнообразных формах слова) подразумевала под собой в разное время лицо юридическое, гражданина государства, сущность бога и даже актерскую маску [63, с. 132-133]; во времена

романтизма под личностью подразумевали героя в широком смысле слова [57]. В русский язык слово «личность» пришло из французского путем калькирования и на протяжении нескольких веков варьировало компоненты значения, в том числе включая в себя негативные коннотации [63, с. 133-134]. Претерпев большое количество изменений и взглядов на проблему, понятие личности в начале XX века становится объектом исследования активно развивающейся психологической науки. С этого времени, оно напрямую связано с представлением о социальном и индивидуальном в человеке, его сознании, о репрезентации индивидуума в обществе и способах познания человеческого мышления.

В современной науке личность является объектом исследования в различных сферах знания: философия, социология, лингвистика и психология рассматривают ее, предлагая множество определений и трактовок. Мы остановимся подробнее на трактовках личности, предлагаемых в психологии и, в частности, в ее конкретном разделе «психология личности», поскольку именно сфера психологических исследований наиболее близка к освещению вопросов, касающихся психолингвистики и понятия языковой личности.

Несмотря на то, что исследования, посвященные теме личности, ведутся на протяжении долгого времени, единого и четко закрепленного в науке определения нет. Обратимся к некоторым из них:

1) Личность – совокупность общественных отношений, реализующихся в многообразных деятельности (А.Н. Леонтьев).

2) Личность – «живой человек из плоти и крови», вплетенный во множество отношений к миру; эпицентр «взрывных» изменений бытия; бытие, переходящее в идеальную форму (С.Л. Рубинштейн).

3) Личность – есть не что иное, как самостоятельная особь со своим психическим укладом и с индивидуальным отношением к окружающему миру (В.М. Бехтерев).

4) Личность – человек как общественный индивидуум, субъект познания и объективного преобразования мира, разумное существо, обладающее речью и способное к трудовой деятельности (А.В. Петровский).

5) Личность – есть «социальное в нас...», «понятие социальное, она охватывает надприродное, историческое в человеке. Она не врожденна, но возникает в результате культурного развития, поэтому “личность” есть понятие историческое. Она охватывает единство поведения, которое отличается признаком овладения...» (Л.С. Выготский) [цит. по: 14].

Как можно заметить, даже в рамках психологии нет единого определения личности. В зависимости от парадигмы научных взглядов и изучаемых вопросов, исследователи рассматривают личность то в призме социальной деятельности, то как проявление индивидуального, то в разрезе взаимоотношений и встраивания в систему координат окружающей действительности, ее восприятия и отражения. Однако для нас, несомненно, важно пронаблюдать за такой вариативностью трактовок: в них находит отражение как становление и развитие антропоцентрической парадигмы, формирование взгляда на человека-личность с разнообразных позиций и точек зрения, так и проявление компонентов, составляющих это сложное и, как следствие, комплексное понятие. На основании данного многообразия можно заключить следующее:

1) Личность определяется в деятельности.

2) Личность проявляется в социальных отношениях.

3) Личность – это реализация индивидуального, определяемая на фоне общественного взаимодействия и противопоставления общего уникальному (так же система противопоставления *личность – индивид – индивидуальность*, занимающая значимое место в психологии, где **индивид** – «человек как единичное природное существо [...]»; отдельный представитель человеческой общности» [61, с. 136]; **индивидуальность** – «человек, характеризуемый со стороны своих социально значимых отличий

от других людей; своеобразие психики и личности индивида, ее неповторимость» [там же, с. 136 – 137]).

Все эти элементы нашли место в формировании понятия языковой личности.

Как мы упоминали выше, значимую роль сыграло определение А.А. Леонтьевым речи как вида деятельности, свойственного человеку, специфичного и реализующего индивидуальную картину мира говорящего. Взгляд на личность сквозь ее деятельность – и процесс, и результат – одна из ярких предпосылок для определения человека как личности языковой и речевой; к разграничению этих понятий мы обратимся позже, однако уже на данном этапе ясно, что языковая личность (ЯЛ) способна проявиться непосредственно в деятельности, связанной с порождением текста. Именно к этому аспекту обратился в 30-е годы академик В.В. Виноградов, первым заговоривший о ЯЛ автора художественного текста, о специфике его мышления, о закономерно обоснованных этими факторами особенностях текста и средствах художественной выразительности языка [3].

Предпосылки для формирования концепции ЯЛ лежат несколько глубже и дальше. Рассуждают об этом Вильгельм фон Гумбольдт, Бодуэн де Куртене, Богородицкий; еще раньше – романтики в лице Я. Гримма, Ф. Буслаев и Фердинанд де Соссюр. В трудах В.В. Виноградова же мы находим рассуждения о природе языка, в частности, языка художественного текста, которые приводят к двум возможным путям изучения языковой личности: образа автора и художественного образа в рамках ЯЛ. Он определяет автора как носителя «художественно-языкового сознания», реализующего образ говорящего (пишущего) в литературном творчестве [цит. по: 17].

Все это способствовало формированию теории языковой личности. Первым ученым, обратившимся к этому вопросу структурно, стал Г.И. Богин. Он представил свою концепцию в труде «Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов», где определил языковую личность через порождаемый ей текст в качестве главной характеристики

понятия. Языковая личность, по Г.И. Богину, это «субъект речевой деятельности как носитель готовности создавать и принимать произведения речи (тексты)» [2]. В соответствии с взглядом на текст в роли определяющего фактора, ученый выделил пять уровней, составляющих модель языковой личности:

- 1) правильности;
- 2) интериоризации;
- 3) насыщенности;
- 4) адекватности выбора;
- 5) адекватного синтеза.

Также при разработке концепции Г.И. Богин опирался на следующие представления о языке и человеке: у языка есть фонетическая и грамматическая сторона; человек реализует взаимодействие с языком в четырех видах деятельности: чтении, слушании, говорении и письме; развитие языковой личности может быть оценено по принципу «лучше/хуже», «больше/меньше», что проявляется в сопоставлении и может быть представлено в виде дискретных уровней. Такой подход к языковой личности через описание совокупности речевых умений и навыков, видов речевой деятельности и возможности оценки через характеристику порожденных текстов соответствует дидактической задаче разработанной концепции. Г.И. Богин утверждал, что человек не просто может являться языковой личностью – он должен стать ей, в должной мере и верным образом сформировав речевые навыки и достигнув определенного уровня правильности владения языком. Можно заметить, что данная модель с большим успехом может быть применима при изучении иностранных языков: студент, чья языковая личность в рамках изучаемого языка формируется и оценивается в соответствии с выделенными уровнями, может быть рассмотрен в соответствии с данной моделью, что способствует наглядному описанию уровней и дискретных параметров. Данный подход был реализован Г.И. Богиним в его педагогической деятельности и стал

первым четко сформулированным и представленным научным определением языковой личности. Г.И. Богиным были поставлены вопросы о сущности текстов, составляющих сферу существования и реализации ЯЛ, об их формировании, о степени проявленности речевых умений и навыков, определены теоретические и терминологические вопросы, развитие которых получило место в последующих трудах выдающихся ученых.

Основоположником теории языковой личности в лингвистике, тем не менее, называют Ю.Н. Караулова. Его основной труд по данной проблеме, «Русский язык и языковая личность», был посвящен глубокому научному описанию концепции, включая освещение всех возможных предпосылок для ее формирования, проблем художественного текста и живой речи, определение ЯЛ и ее структуры, рассмотрение возможных способов и подходов к описанию ЯЛ и пр.

Ю.Н. Караулов определяет языковую личность следующим образом:

Языковая личность – совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определённой целевой направленностью [17, с. 245].

При этом языковая личность рассматривается не как часть многогранного понимания личности, а как «вид полноценного представления личности, вмещающий в себя и психический, и социальный, и этический, и другие компоненты, но преломленные через её язык, её дискурс».

Караулов предложил модель анализа ЯЛ по следующей схеме:

- 1) лексикон;
- 2) лингво-когнитивный уровень (тезаурус);
- 3) прагматикон.

Само описание этих уровней модели возможно, в глобальном понимании, в двух случаях: в первом, имея дело непосредственно «живой» личностью, возможно применить анкетирование, ассоциативный эксперимент и т.п., что

позволит представить ЯЛ в актуальном виде и парадигме живого общения; во втором же случае нам приходится иметь дело с ограниченным пространством корпуса текстов, в рамках которых ЯЛ реализовала себя в этих трех уровнях. Ограниченность второго случая, однако же, не должна быть рассмотрена как некое окончательное препятствие для исследования. Описать возможно не только личность автора текста художественного: были предприняты попытки реконструкции исторической языковой личности на материале дошедшей до нас переписки, в частности, в исследованиях Н.И. Гайнуллиной («Языковая личность Петра Великого. Опыт диахронического описания»), О.В. Поповой («Языковая личность Ивана Грозного»).

Таким образом, текст предоставляет достаточное поле для исследования языковой личности автора; однако Ю.Н. Караулов говорит также об исследовании и описании ЯЛ персонажа художественного текста (в качестве примера предлагая описание Шохова, героя романа А. Приставкина «Городок»). Делает он и следующее замечание: «...писатель выступает в своих произведениях не как единая, целостная языковая личность, а как множество говорящих и понимающих личностей» [17, с. 86], – давая, таким образом, отправную точку для исследований персонажей вне контекста личности автора произведения, представляя возможность рассмотрения художественного текста не только как набора стилистических средств, лексико-грамматических особенностей, формирующих идиостиль писателя, но предлагая взглянуть на художественную реальность как на объективную для конкретного произведения, в которой происходит взаимодействие личностей в соответствии с законами данной реальности; следовательно, мы имеем право приложить модель анализа также и к этим личностям-персонажам художественного текста, а не только и исключительно к «живому» говорящему.

Концепция Ю.Н. Караулова представляет уровни, составляющие структуру ЯЛ, как, с одной стороны, иерархично подчиненное целое, части которого, с другой стороны, тесно взаимодействуют и пересекаются друг с

другом, что диктует и сам путь анализа, и его методы. Ю.Н. Караулов предлагает следующие пути описания ЯЛ.

1. На уровне **лексикона**. Говоря о лексиконе, исследователь отмечает не только наличие вербализованной части, которую возможно пронаблюдать в ситуациях общения в составе речевого произведения, но и невербализованную часть лексики, некий «пассивный словарь». Касательно анализа ЯЛ в рамках художественного текста, Ю.Н. Караулов делает важное и весомое замечание: «Писатель с неизбежностью должен использовать и невербализованную часть лексикона, которая в силу особенностей и условностей словесного искусства воспроизводится уже не в речи данного персонажа, а либо в ситуациях слушания и понимания им высказываний собеседников, либо в авторской речи, и может вычленяться с помощью приема установления так называемых “речевых центров” и “точек зрения” при анализе текста» [17, с. 92]. Это замечание определяет ключевые элементы произведения, на которые мы должны обратить внимание при анализе персонажа как ЯЛ: мы прибегаем к анализу внешней речи, внутренней и несобственно прямой речи, выделяем те отрезки текста, в которых автор характеризует персонажа со стороны, обращаем внимание также на реакции и характеристики иных персонажей по отношению к исследуемому и т.п.

Другое важное замечание, сделанное Ю.Н. Карауловым, касается так называемого «растворения» грамматики в лексике: рассматривая грамматический уровень, мы неизбежно будем оперировать к уровню лексическому, а также семантическому. Это приводит к тому, что «грамматикон» языковой личности оказывается распределен между уровнем лексикона и уровнем тезауруса.

Сам лексикон же является скорее набором средств, благодаря которым ЯЛ через тезаурус и прагматикон способна проявить себя и реализовать интенции, из чего следует, что анализ лексикона самого по себе не представляет возможным дать какую-либо конкретную характеристику ЯЛ.

Для анализа лексикона применяются следующие методы:

1) машинный анализ: составление текстоориентированного словоуказателя, далее – составление алфавитно-частотного указателя словоформ на его основе; составление прямого алфавитно-статистического словника и статистически упорядоченного словника; иными словами, выявляется количество и частотность употребления лексических форм в выбранных отрывках текста;

2) в результате машинной обработки текста в списки попадают абсолютно все слова, включая предлоги и местоимения; на следующем этапе из словника они исключаются и начинается семантическое и, по возможности, стилистическое описание лексических единиц: распределение по лексико-тематическим группам, определение частотности единиц с ярко выраженной стилистической маркированностью и пр.

Дальнейшей задачей является формирование семантических полей. Выделяются семантические центры, доминанты. Таким образом, анализ лексического уровня и единиц грамматикона позволяет получить первое представление о языковой личности, которое будет углублено в дальнейшем за счет рассмотрения: а) элементов когнитивной сферы, формирующих индивидуальную картину мира; б) сферы прагматикона.

2. На **лингво-когнитивном (тезаурусном)** уровне. Когнитивный уровень расширяет семантическую базу, определенную при анализе лексикона, включая лексико-грамматические единицы в языковую и концептуальную картину мира. Известно, что при восприятии художественного текста от читателя требуется владение определенным пластом знаний о действительности, включая культурные и ментальные единицы; естественно, в таком случае, и то, что при анализе языковой личности в художественном тексте нам также необходимо рассматривать сферу этих знаний. Однако важно уточнить, что в рамках художественной реальности когнитивные единицы могут функционировать определенным образом, отличающимся от традиционного их проявления либо понимания участниками

коммуникативной ситуации. Художественная реальность, построенная по собственным законам, способна заложить как у персонажей, так и у читателей специфичное отношение к конкретным своим объектам; в результате их восприятие может значительно отличаться от общепринятого среди носителей данной языковой картины мира. Таким образом, в когнитивной сфере языковой личности могут выделяться объекты с особыми характеристиками. Их наличие (либо значимое отсутствие) важно отметить при анализе данного уровня. Сложность заключается в следующем: когнитивное идиопространство текста предстоит рассмотреть как единое целое, что создает определенные трудности при интерпретации отдельных фрагментов. Если для характеристики лексикона мы отбираем определенные моменты, то когнитивный уровень требует более широкого и вместе с тем глубокого взгляда на реальность всего произведения в целом, попытки осмысления ее внутренних законов и условий развития.

На этом уровне мы сталкиваемся с образами, гештальтами, фреймами, схемами, символами, концептами, импликациями, построенными на основе общеизвестных и ситуативных знаний действительности, и пр. Рассматривать тезаурус в полном отрыве от прагматикона, когда речь идет о ситуации общения, сложно и практически невозможно, однако все же прагматический компонент проявляется более в пресуппозиции, нежели в прочих прагматических характеристиках. Вычленение ключевых для ЯЛ образов, концептов с индивидуальными характеристиками – вот задача составления тезаурусного уровня.

3. На уровне **прагматикона**, или **мотивационном** уровне. Помимо речевых стратегий, тактик и комплексных характеристик коммуникативного поведения, в область этого уровня также входит интертекстуальность речевых произведений и их мотивированность. Понятие коммуникативно-деятельностных потребностей и их реализации обуславливает существование этого уровня как высшего и главенствующего в структурной организации ЯЛ. Также на этом уровне проявляется включенность ЯЛ в общекультурный

языковой контекст: способность апеллировать к прецедентным текстам, воспринимать и дешифровать их, верно соотносить понятийную структуру прецедентного текста (интертекстуального речевого включения) с коммуникативной ситуацией и, что немало важно, творческие способности и навыки ЯЛ, проявляющиеся в этой речемыслительной деятельности, формируют представления о широкой прагматической сфере. Неохваченной, тем не менее, остается непосредственная структура данного уровня: вопросы типологизации фреймовых структур в системе коммуникации, вопросы мотивированности введения интертекстуальных включений, вопросы их восприятия и т.п., не разработанные в монографии Ю.Н. Караулова на момент ее публикации, с течением времени получают освещение в иных сферах и трудах. Так, фреймовые структуры, речевые стратегии и тактики активно изучаются в лингвистике последнего десятилетия. Однако отсутствие четкой программы описания прагматикона значительно усложняет анализ ЯЛ в целом и представления ее как некой организованной модели. Высший уровень, по сути, управляющий коммуникативным поведением, – вплоть до выбора собеседника и самого включения в коммуникативную ситуацию, – остается лишь обозначенным пространством, в рамках которого возможны частные наблюдения и исследования на примере некоторых единиц, прецедентных текстов и диалогов (полилогов).

Вышеизложенную модель представления и описания языковой личности и методы ее анализа представил Ю.Н. Караулов, первым заложивший основы глубокой теоретической разработки данной проблемы. Мы будем опираться на эту модель, поскольку она кажется нам наиболее точно отражающей сложность и многообразие элементов, составляющих такое комплексное явление, как языковая личность; также важно, что Ю.Н. Караулов предлагает и обосновывает возможность описания как ЯЛ персонажа в художественном тексте, предлагая рассматривать методы исследования и в приложении к такому «ограниченного» текстовому пространству.

За прошедшие годы (с момента введения Ю.Н. Карауловым в широкое употребление термина ЯЛ и его дефиниции) теория языковой личности была разносторонне разработана в руслах различных отраслей лингвистической науки. Приведем некоторые определения, данные исследователями.

Языковая личность – закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного естественного языка (С.Г. Воркачев).

Языковая личность – обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций; типичный представитель определенной этносоциальной группы, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации (В.И. Карасик [15]; данное определение схоже с определением С.Г. Воркачева).

К.Ф. Седов в связи с проблемой рассмотрения и определения сущности ЯЛ замечает следующее: «Одна из наиболее насущных задач, которые стоят перед современной антропоцентрической лингвистикой, – создание типологии языковых личностей, способной отражать индивидуальные особенности речевого поведения носителей языка» [42, 3]. Справедливое замечание, однако поставленная задача не имеет однозначного решения: языковая личность как понятие комплексное и многоаспектное может быть рассмотрена с различных сторон и в различных формах своей реализации, что напрямую регламентирует подход к типологизации. Таким образом, в современной науке существует несколько классификаций ЯЛ, каждая из которых базируется на определенном аспекте рассмотрения.

В.И. Карасик рассматривает языковую личность через типы носителей базовой и маргинальной культур, вычленяемые на основе оппозиции «свой – чужой», при этом для «своего» характерна коммуникация на естественном и родном для него языке. В.И. Карасик выделяет три типа ЯЛ: 1) человек, в коммуникативной среде которого общение на родном языке является

естественным; 2) человек, в коммуникативной среде которого естественным является общение на чужом языке; 3) человек, говорящий на чужом языке с учебными целями, которые не относятся к характеристикам естественной среды общения [16].

К.Ф. Седов рассматривает ЯЛ через призму конфликтологии и на основе психолингвистической и социолингвистической базы. Он выделяет три типа ЯЛ: конфликтный, центрированный и кооперативный. В основу этой типологии легли «установки» ЯЛ: для первого типа характерна установка на себя и против партнера, для второго – на себя с игнорированием партнера, для третьего – установка и на себя, и на партнера.

Также исследователи выделяют несколько формальную типологию ЯЛ: ЯЛ может быть представителем элитарной речевой культуры и носителем литературного, нормированного языка; может реализоваться в рамках диалектов, просторечий и т.п. Можно определить данную классификацию как стилистически дифференцированную.

Исходя из приведенных примеров классификаций, мы можем сделать следующий вывод: языковая личность – явление, полное и комплексное описание которого требует сочетания различных подходов и позиций в исследованиях, в ином случае оставаясь не рассмотрением языковой личности в целом, а изучением одного аспекта ее проявлений. Как и изучение личности в психологии, представление языковой личности возможно применительно к теоретической модели ЯЛ, к конкретным ее представителям, к реализации ЯЛ в наборе тематически выбранных коммуникативных ситуаций и т.п. Отсутствие универсального метода исследования либо алгоритма классификации лишь убеждает нас в сложности данного явления.

Необходимо также разграничить следующие понятия: говоря о языковой личности, нельзя не сказать о таких явлениях как речевая и коммуникативная личность. Существует несколько точек зрения на этот вопрос, и если в определении речевой личности исследователи так или иначе пришли к

согласию, то в вопросах разграничения личности языковой и коммуникативной единого мнения нет.

Приведем некоторые определения речевой личности.

Речевая личность – личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических) (В.В. Красных) [22, с. 50].

Языковая личность – это парадигма речевых личностей, речевая личность – это языковая личность в парадигме реального общения (Ю.Е. Прохоров) [38, с. 106].

Как уже было сказано, взгляды на соотнесение языковой личности и коммуникативной разнятся. Одни исследователи считают, что языковая личность шире, чем коммуникативная; другие определяют эти понятия как тождественные; третьи говорят о том, что коммуникативная личность шире языковой.

По мнению В.Б. Кашкина, коммуникативная личность – это «совокупность индивидуальных коммуникативных стратегий и тактик, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессах коммуникации как коммуникативная компетенция индивида, его “коммуникативный паспорт”, “визитная карточка”»; коммуникативная личность – содержание, центр и единство коммуникативных актов, которые направлены на другие коммуникативные личности, – «коммуникативный деятель» [20].

На наш взгляд, понятие коммуникативной личности представляется уже, нежели понятие личности языковой. Характеризуя прагматический уровень ЯЛ, Ю.Н. Караулов пишет о коммуникативных потребностях личности, о сосуществовании в текстовом пространстве и о коммуникации как одной из сторон – пусть и на высшем уровне – проявления индивидуального. Рассматривая вопрос о языковой и коммуникативной личности с этих

позиций, можно сказать, что коммуникативная личность – личность в ее способности к общению; речевая личность – личность в конкретной речевой ситуации, в действии; языковая же личность стоит за обеими дефинициями как нечто более общее и глобальное, из которого проистекают оба определения, как исходная точка, объект, при взгляде на который с разных позиций реализуются разные его стороны.

Именно эта проблема взгляда с различных позиций обуславливает появление таких терминов как «коллективная личность», «элитарная личность» и пр. В работах Беспмятной Г.Н., Иванцовой Е.В., Кашкина В.Б., Конецкой В.П., Красных В.В., Пузырева А.В., Сиротининой О.Б. и др. языковая личность предстает как объект различных исследований и определений в соответствии с конкретной лингвистической отраслью и задачей.

Таким образом, можно заключить, что исследования в современной лингвистике, регулируемые и направляемые общей антропоцентрической парадигмой научного знания, активно и неоднократно обращаются к концепции языковой личности, уточняя и дополняя ее в зависимости от конкретной сферы и аспекта исследования. Языковая личность является одним из самых актуальных понятий, разрабатываемых современной лингвистикой, чему мы находим подтверждение в работах, посвященных ЯЛ в рассмотрении психолингвистикой, лингвокультурологией, социолингвистикой, лингвопрагматикой, дискурсологией, лингвистикой текста, а также методикой преподавания русского языка как иностранного, для которой формирование вторичной языковой личности в сознании изучающего русский язык является базовым прогнозируемым результатом и основной сферой деятельности. Языковая личность представляет собой сложное, многогранное явление и реализует себя в речи как деятельности на вербальном и невербальном уровнях в условиях заданной коммуникативной ситуации.

1.2 Коммуникативное поведение языковой личности в аспекте коммуникативной ситуации

Вопросы организации коммуникации поднимались в различных отраслях науки на протяжении многих лет. Наблюдение над языковыми фактами изначально проистекает не из примеров некой языковой абстракции, а из реального взаимодействия коммуникантов (подтверждением этому является тот факт, что первым подобием коммуникативной модели называют схему, созданную Аристотелем: «оратор – речь – аудитория»), однако законы и обоснования этого взаимодействия – поле обширных и разноплановых исследований в современном мире. Достаточно вспомнить, что одна из первых моделей коммуникации – т.н. математическая, которая была предложена К. Шенноном и У. Уивером в 1949 году. Исследования продолжались многими видными исследователями, в т.ч. были разработаны коммуникационные модели Ньюкомба, Бюллера (модель Органона) и пр. На базе исследований середины двадцатого века сформировалась научная отрасль теории коммуникации, которая в наши дни реализуется в межкультурной коммуникации, социолингвистике и лингвокультурологии.

Основной коммуникативной моделью для современной лингвистики принято считать функциональную модель, предложенную Р. Якобсоном, которая выглядит следующим образом: «адресант – сообщение – адресат», где для сообщения существует контекст, процесс передачи сообщения является контактом, а само сообщение и контакт определяются через код (в широком понимании – общеязыковой) [59]. Не останавливаясь подробно на данной модели, отметим, что она получила большое количество как сторонников, так и критических отзывов. В частности, критика касалась вопросов кодирования передаваемого сообщения – процесс коммуникации обусловлен не только наличием общностей адресата и адресанта (речевого, ситуативного, общекультурного и иных контекстов), но и неизбежным присутствием определяющего общение индивидуального как на

эксплицитном, так и на имплицитном уровне. Таким образом, передаваемое сообщение во многих случаях не может быть передано абсолютно, во всех его оттенках, смыслах и интенциях: индивидуальность языковой личности подчиняет себе общность языковых фактов и контекста, вписывая, таким образом, непосредственно «личное» в коммуникацию. Как следствие, универсального кода для адресата и адресанта практически не может существовать (мы не касаемся здесь до поры вопросов стилистики и функциональной стилистической дифференциации и говорим лишь о непосредственной коммуникации в рамках коммуникативной ситуации, о живом речевом общении).

Сама реализация коммуникативной модели подразумевает наличие некой ситуации коммуникации. Коммуникативная ситуация – конкретное и в то же время комплексное понятие. Обратимся к определениям КС:

Коммуникативная ситуация – это набор основных параметров коммуникативного события, помогающий ориентироваться в коммуникации и отличать одно коммуникативное событие от другого; обобщенная модель условий и обстоятельств, обуславливающих речевое поведение в коммуникативном событии. Коммуникативная ситуация задается внешними обстоятельствами общения (В.А. Маслова) [30].

В трудах исследователей также фигурируют определения речевой ситуации и ситуации общения, приравниваемые к понятию коммуникативной ситуации. Приведем следующее определение:

Речевая ситуация – это «единый конгломерат внешних обстоятельств и внутренних психических реакций, которые побуждают нас осуществлять свою потребность обмениваться текстами (т.е. информацией) в процессе трудовой, общественной, личностной деятельности» (Н.И. Формановская) [55, с. 39].

Как можно заметить, определение коммуникативной ситуации базируется, прежде всего, на внешних факторах. Коммуникативная ситуация сама по себе обуславливается существованием по меньшей мере двух

участников коммуникации: Адресанта и Адресата. Вне зависимости от того, является коммуникация непосредственной (устная речь в реальном времени) либо опосредованной (письменное общение), фигуры адресанта и адресата или, в иных исследованиях, Говорящего и Слушающего, представляют собой центр возникновения КС. Таким образом, основополагающим фактором коммуникации является не информация, передаваемая в сообщении, не код, оформляющий это сообщение, а языковая личность, выступающая ключевым «коммуникативнообразующим» элементом.

Прежде, чем перейти к рассмотрению компонентов и параметров коммуникативной ситуации, заметим, что, как было сказано выше, четкого разграничения между терминами «коммуникативная ситуация», «речевая ситуация» и «ситуация общения» в современной науке не представлено. Н.И. Формановская, И.А. Стернин и др. уточняют, что термин «коммуникация», разумеется, представляется более широким, нежели «ситуация общения» (или даже «речевая ситуация»), и это широкое понимание возникает за счет большей комплексности понятия «коммуникация»; иными словами, «коммуникативной» будет, скорее, некая теоретическая ситуация речевого взаимодействия, в то время как ситуацией общения и речевой ситуацией мы назовем конкретные примеры речевого взаимодействия между коммуникантами. Однако все определения данного феномена действительности (объективной, речевой, дискурсивной), прежде всего, концентрируются на сути общения, а именно: адресант передает адресату некое сообщение при помощи неких знаков, при этом сам факт передачи сообщения – вступления в коммуникацию – мотивирован некой целью Говорящего, равно как и вступление в коммуникацию со стороны Слушающего также имеет некую цель.

В подробном рассмотрении модели коммуникативной ситуации Н.Ю. Шведова предлагает использовать следующую схему для описания компонентов: *«кто – кому – о чем – почему – зачем – как – каким способом – в каком состоянии – где – когда»*. В данной модели подробно и максимально

выделены, на основе местоименно-указательной системы русского языка, элементы КС, включающие в себя:

1) Говорящего и Слушающего как языковых личностей, вступающих в процесс коммуникации;

2) Информацию – фактическое сообщение в его диктумном понимании;

3) Интенции коммуникантов, их мотивации и цели коммуникации;

4) Код, включающий в себя вербальные и невербальные средства коммуникации, а также эксплицитные и имплицитные компоненты, на разных уровнях входящие в передаваемое сообщение (от контекста до интонационного оформления высказывания);

5) Психологическое состояние коммуникантов, непосредственно влияющее и на способ передачи сообщения, обусловленное либо обуславливающее цели и причины коммуникации;

6) Внешние формальные показатели: место, время, иные значимые внешние условия коммуникации.

Б.Д. Парыгин выделяет три типа функций общения: социальные, социально-психологические, индивидуально-психологические; также отмечается биологическая функция общения, связанная с удовлетворением потребностей аспекта выживания [цит. по: 49]. Эти функции в самом общем смысле классифицируют типы мотиваций и целей общения с позиции реализации коммуниканта как личности в психологическом плане либо, при более широком взгляде (касательно типа социальных функций) социума в целом и личности как члена этого социума. Мы говорим «типы», поскольку внутри себя эти функции описываются через более частные элементы: так, к индивидуально-психологическим функциям относятся функции формирования сознания, поддержания его функций, поддержания эмоционального равновесия и работоспособности, усиления психических процессов и т.п. Общение, с точки зрения психологии, входит в круг естественных и ключевых потребностей человека как существа социального, а также является одной из наиболее значимых потребностей, приобретенных

в процессе эволюции. Реализация этой потребности и обуславливает саму возможность существования коммуникативной ситуации.

Таким образом, языковая личность во всем комплексе ее характеристик, является центром коммуникативной ситуации. Наличие двух сторон в этом смысле подразумевает разноплановые отношения между участниками коммуникации: они могут строиться по вертикали (вышестоящий – равный – нижестоящий) и по горизонтали по принципу «свой»-«чужой». В последнем случае важен лингвокультурологический фон, поскольку распределение собеседников по этому принципу в значительной степени зависит от конкретной культуры и национальной картины мира, законы которой обуславливают включение собеседников в круг «своих». Об этом пишет В.В. Красных в работе «Свой среди чужих: миф или реальность» [22], отмечая значимость культурных кодов, которыми подсознательно обладает каждый носитель того или иного языка, и их влияния на структуру коммуникации и мотивации при выборе собеседника, а также описывая некоторые возможные случаи коммуникативных неудач, случившихся вследствие разительного отличия культурных кодов. Тем не менее, этот вопрос значительно шире, нежели представляемый в его лингвистическом аспекте: т.н. «поле значений», «сетка», на основе и при помощи которой языковая личность воспринимает действительность, отражает ее, реализует себя в действительности, исключительно индивидуальна. Существует некая общечеловеческая, общепсихическая основа индивидуума, та самая эволюционная способность к общению, на которую накладывается сетка национально-культурных стереотипов, уникальных языковых маркеров и т.п.; так формируется языковая личность как представитель конкретного этноса; но далее происходит наложение всего индивидуального опыта, который может, даже и в значительной мере, повлиять и на мотивы коммуникации, и на способ передачи сообщения, и на импликации, и на восприятие с позиции слушающего. Следовательно, все «универсальное» в языковой личности во многом условно, и в тот момент, когда мы типизируем

те или иные элементы коммуникативной ситуации, мы вынуждены отрицать эти индивидуальные маркеры и оттенки смыслов. Интересен в этом смысле тот факт, что при построении коммуникации сама личность также может сознательно исключать индивидуальное, т.к. для участников коммуникации в большинстве случаев играет роль успешность коммуникации, а не самореализация личности. Однако, как было сказано выше, каждый конкретный случай коммуникации можно рассматривать как реализацию конкретного типа функции общения, что напрямую влияет на включение либо исключение индивидуально-значимых маркеров и реакций коммуникантов. Так происходит регуляция пресуппозиции, при которой говорящий воспринимает себя в отраженной форме как слушающего и ограничивает влияние личного опыта на информационную базу высказывания и на способы его оформления.

Говоря о целях коммуникации, В.В. Красных дает следующее определение: «Человеческая коммуникация есть процесс взаимодействия двух и более языковых личностей с целью передачи / получения / обмена информацией, т. е. того или иного воздействия на собеседника, необходимого для осуществления совместной деятельности» [22, с. 79].

Таким образом, сама коммуникация подразумевает некую систему речевых актов, в которых языковая личность реализует свои интенции, потребности и целеустановки. На наполнение и выбор речевых актов может влиять место и время коммуникации, способ коммуникации (устный или письменный, вербальный или полностью невербальный – сурдокоммуникация), эмоциональное состояние собеседников, их статус и индивидуальные характеристики (пол, возраст, родственные / профессиональные /иные отношения, т.е. тип отношений по вертикали, социальный статус, наличие либо отсутствие артикуляционных дефектов, принадлежность к национальной и культурной общности и пр.), прогнозируемый результат коммуникации, пресуппозиционные установки,

индивидуально-культурный контекст коммуникации, а также иные, более частные факторы.

Все вышеописанное находится в сфере интересов как теории коммуникации, так и социолингвистики, и лингвокультурологии, и лингвопрагматики. В аспекте последней необходимо, не останавливаясь подробно на истории данного вопроса и не касаясь спорных вопросов, дать определение речевому акту как ключевому элементу коммуникативной структуры. Таким образом, речевой акт есть действие, осуществляемое с помощью речи, где основной характеристикой действия является его целеустановка – т.е. речевой акт направлен на достижение некой цели говорящего, подразумевает в себе иллокутивный компонент. Широкая классификация речевых актов обусловлена тем, что их характеристика большинством исследователей основывается на вышеуказанном иллокутивном компоненте и, в зависимости от направленности иллокуции, дает основание для выделения типов речевых актов. Так, выделяют речевые акты согласия, оправдания, убеждения и т.п. Иная точка зрения на вопрос классификации сводится к тому, что каждый речевой акт уникален и существует столько типов речевых актов, сколько существует высказываний вообще. Подобная позиция имеет основания и с опорой на вышеописанные нами специфические особенности коммуникации в аспекте языковой личности.

Затрагивая сферу прагматикона языковой личности, невозможно не затронуть вопрос самого существования субъекта в ситуации общения и специфики этого существования – параметров, которые могут охарактеризовать личность и особенности межличностной коммуникации. Эта позиция напрямую подводит нас к понятию коммуникативного поведения, а также к вопросам разграничения коммуникативного поведения и речевого, лингвокультурологическим и психолингвистическим особенностям, от которых зависит некая коммуникативная «норма» в

конкретной ситуации, и возможности интерпретации конкретной личности в рамках индивидуального дискурса.

Термин «коммуникативное поведение» был введен И.А. Стерниным в 1989 году и определен следующим образом: «Под коммуникативным поведением понимается совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т.д. групп, а также отдельной личности» [48, с. 3]. Это определение стало основополагающим для последующих исследований, связанных с проблемой коммуникативного и речевого поведения: исследования были посвящены рассмотрению КП малых социальных групп, в том числе особой специфике семейного общения, КП в реальной действительности и интернет-пространстве, особенностям реализации языковой личности в специализированных сферах, наблюдению над ситуативным изменением параметров КП и т.д. – т.е. коммуникативному поведению, точкой отсчета для которого становятся специфические индивидуальные характеристики коммуникантов. Большая часть исследований протекает в русле лингвокультурологии и посвящена сопоставлению особенностей коммуникативного поведения представителей различных национальностей и социальных групп, выявлению этих особенностей и формированию неких «справочников», способных представить специфику коммуникации с носителями конкретных языков, представителями культур, с учетом социокультурных, этических, эстетических и условных лингвопрагматических норм общения. В этом ключе создаются работы по принципу компаративистики аспектов поведения представителей одной культуры на фоне другой: так реализуется один из базовых принципов при описании коммуникативного поведения – принцип контрастивности, позволяющий отчетливо увидеть разницу между нормами разных культур. Примерами таких исследований могут служить следующие работы: Л.А. Добрынина «Коммуникативное поведение американцев...», Р.А. Ермакова «Французское коммуникативное поведение...», Н.А. Козельская «Особенности русского и английского коммуникативного

поведения», Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин «Русские. Коммуникативное поведение», труды И.А. Стернина, посвященные финскому коммуникативному поведению, и многие другие. Стремительное развитие лингвокультурологии и лингвострановедения, увеличившееся количество межкультурных контактов и лингвистическая интеграция обосновывают актуальность подобных исследований. Особую роль они играют для практической методики преподавания иностранных языков (не только русского как иностранного, но и любого языка: на примере концепции языковой личности, предложенной Г.И. Богиным, ясно видно, что обучение иностранному языку есть, по сути, формирование компетенций языковой личности, и одна из таких компетенций – адекватное коммуникативное поведение личности в ситуации общения).

Однако для разработки такого большого массива научных трудов потребовалось сформировать четкие методы анализа и терминологический аппарат, достаточно универсальные, чтобы быть применимыми к практически всем социальным группам, коммуникативное поведение которых становится объектом внимания ученых. Эти положения были изложены И.А. Стерниным и в той или иной мере переработаны и адаптированы в дальнейшем. Кратко изложим их суть, оговорив, тем не менее, что положения эти ориентированы непосредственно на изучение особенностей общения в разрезе целой нации либо достаточно крупной лингвокультурной общности – например, гендерной или возрастной, но не единичных индивидов.

Основными принципами описания коммуникативного поведения стали:

- 1) принцип системности;
- 2) принцип контрастивности;
- 3) использование ранжирующего метаязыка;
- 4) разграничение и учет общественной нормы и общественной практики [48].

Под системностью в данном случае подразумевается создание универсальной модели описания коммуникативного поведения, включающей вербальное поведение, невербальное поведение и социальный символизм. Принцип контрастивности говорит о необходимости сопоставления фактов различных культур и языков для выявления лакун, различий и формирования четкого понятия нормы для представителей конкретной лингвокультурной общности.

На основании этих принципов были выделены три модели описания коммуникативного поведения: ситуативная, аспектная и параметрическая. Для каждой модели описан набор параметров, опираясь на которые, можно получить представление о специфике КП конкретной группы или общности. Параметры эти могут варьироваться в зависимости от конкретной цели исследования: в ситуативной модели количество ситуаций, подлежащих описанию и потенциально способных дать представление о специфичных чертах, условно бесконечно; то же касается описания невербальных и вербальных средств в рамках параметрической модели или аспектной. Тем не менее, мы можем представить условно обобщенную ситуацию общения и также список наиболее типичных ситуаций, свойственных большинству культур и, что немало важно, общих для сопоставляемых групп, в которых будет так или иначе проявляться культурная специфика на коммуникативном уровне.

Однако эти модели, как уже было сказано, разработаны и успешно применяются исключительно в отношении неких социолингвистических общностей, от целых народов до представителей того или иного социального слоя (учащиеся седьмых классов, военные, подростки и пр.). Что же касается описания поведения конкретной личности, языковой ли, коммуникативной – личности в широком понимании – возникают некоторые сложности. Прежде всего, сложности эти связаны с контрастивностью и определением самого понятия нормы: допустим, возможно определить отклонение от нормы общекультурной и общесоциальной, т.н. девиацию (девиация, или

отклоняющееся поведение – система поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе правовым или нравственным нормам [61, с. 257], но эти случаи скорее исключение, нежели возможность действительно исчерпывающе и углубленно охарактеризовать коммуникативное поведение отдельной личности. Здесь видится два пути решения данного вопроса:

1) провести анализ языковой личности (п.1, модель Ю.Н. Караулова) и на основании выделенных доминант, семантических полей, прагматических и ценностных установок сравнить коммуникативное поведение в различных ситуациях – т.е. воспользоваться ситуативной моделью, предложенной И.А. Стерниним, с некоторыми модификациями;

2) также проведя предварительный анализ ЯЛ, сопоставить коммуникативное поведение нескольких личностей, соотнести с общекультурной (национальной) нормой.

Оба пути представляются нам достаточно правомерными в случае применения методов к конкретной личности говорящего, к «живому» человеку.

Но перед нами стоит иной вопрос: как проанализировать и охарактеризовать коммуникативное поведение персонажа художественного текста, функционирующего в соответствии с законами художественной реальности и ограниченного этой реальностью, исчерпываемым комплексом речевых произведений и коммуникативных ситуаций?

Наиболее близким понятием в данном случае является понятие речевого портрета – понятие, в науке разработанное и описанное отчетливо и не единожды. Приведем ниже некоторые определения речевого портрета, данные лингвистами.

Речевой портрет – это воплощенная в речи языковая личность (С.Д. Леорда) [28, с. 59-60].

Речевой портрет – это совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существования (Т.П. Тарасенко) [51, с. 26].

Речевой портрет – это набор речевых предпочтений говорящего в конкретных обстоятельствах для актуализации определенных намерений и стратегий воздействия на слушающего (Г.Г. Матвеева) [31, с. 87].

Речевой портрет – это функциональная модель языковой личности (М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова) [21, с. 5].

Как можно видеть, основное свойство речевого портрета, его главная характеристика – извлечение из реальной ситуации общения, функциональность и прагматичность. Так же, как речь представляет язык, «погруженный в жизнь», речевой портрет характеризует языковую личность, погруженную в ситуацию коммуникации (что сближает речевой портрет и речевую личность, представляя последнюю как реализацию языковой личности, а речевой портрет – как набор ее специфических характеристик, которые возможно вычленишь и описать). Опираясь на такое понимание речевого портрета, можно сделать вывод, что коммуникативным поведением личности мы можем считать совокупность индивидуальных черт, проявляющихся в дискурсе говорящего, отражающих особенности его как языковой личности и сочетающих в себе единицы различных уровней, выраженные как вербально, так и невербально; определенный стиль общения, выявляемый из контекста парадигмы ситуаций, в которых говорящий проявляет себя как языковую личность.

Что же касается разграничения коммуникативного поведения и речевого, нам представляется под речевым собственно речевое, т.е. вербальное поведение, в то время как коммуникативное поведение может включать в себя невербальные, этические, социокультурные и иные нормы, лежащие в области индивидуальной картины мира.

Таким образом, коммуникативное поведение языковой личности представляет собой практическую реализацию ЯЛ в ситуации общения,

определяется параметрами коммуникативной ситуации, выражается через конкретные характеристики и элементы коммуникативной ситуации и может быть описано как складывающийся на основе набора различных между собой по сферам, условиям и иллокутивным установкам ситуаций стиль общения, рассматриваемый на основе комплексного представления о языковой личности как участнике коммуникации.

1.3 Особенности представления языковой личности в пространстве художественного текста

Предложенная Ю.Н. Карауловым модель языковой личности получила глубокую разработку в лингвистической науке. Тем не менее, вопрос о том, можно ли считать персонажа художественного текста языковой личностью в отрыве от личности автора этого текста и правомерно ли исследование персонажа в данном аспекте – а главное, какова ценность подобных исследований? – остается открытым и актуальным.

Факт того, что сам автор, создавая художественный текст, реализует себя как языковую личность, не поддается сомнению. Г.О. Винокур в связи с этим заметил следующее: «Язык писателя может служить также и источником наших сведений о личности писателя» [4, с. 238]. Еще до концепции Ю.Н. Караулова появились обширные и глубокие труды, посвященные тем или иным личностным авторским проявлениям в тексте: подобные разработки велись в рамках исследований идиостиля, и одним из ярких результатов данного подхода являются словари языка того или иного автора (в частности, «Словарь языка Пушкина» под ред. В.В. Виноградова, «Лермонтовская энциклопедия» под ред. Майнулова В.А. и пр.; Ю.Н. Караулов также был редактором «Словаря языка Достоевского»).

Автор художественного текста является особой личностью с художественным видением мира. Все составляющие литературного

произведения несут на себе отпечаток личности своего создателя, на них влияет жизненный опыт автора, эмоциональное состояние, окружение и даже место проживания, воспитание автора, жизненный и творческий путь. Большую роль играет и опыт эмоциональных переживаний. В современной науке уделяется большое внимание исследованию так называемой «творческой истории произведения», включающей в себя, помимо анализа художественного текста, анализ авторских дневников, мемуаров, писем, воспоминаний и отзывов современников, родственников и близких писателя. Такие исследования играют большую роль в составлении индивидуально-авторской картины мира – т.е. такой индивидуальной картины мира, которая отражает действительность в художественном авторском переложении. З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют ее как «вторичную», утверждая следующее: «Художественная картина мира – это вторичная картина мира, подобная языковой. Она возникает в сознании читателя при восприятии им художественного произведения. Картина мира в художественном тексте создается языковыми средствами, при этом она отражает индивидуальную картину мира в сознании писателя и воплощается в отборе элементов содержания художественного произведения; отборе используемых языковых средств; в индивидуальном использовании образных средств. В художественной картине мира могут быть обнаружены концепты, присущие только данному авторскому восприятию мира – индивидуальные концепты писателя. <...> При этом всегда следует помнить, что художественная картина мира – вторичная, опосредованная картина мира, причем она опосредована дважды – языком и индивидуально-авторской концептуальной картиной мира» [35, с. 8].

Уникальность авторского мировидения формирует особую художественную реальность – в русле нарратологии определяемую как художественный нарратив, существующий по собственным внутренним законам. Разумеется, автор ориентирует свой порожденный текст на восприятие читателя, наполняет его средствами художественной

изобразительности и образами, установка на понимание которых, однако, определяется уже не авторской позицией, а инструментами, которые автор использовал в тексте. Лексико-синтаксические модели, образы-символы, способы передачи эмоционального состояния героев воспринимаются читателями без необходимости каких-либо знаний об авторе как о личности (реальной ли, языковой действительности). Восприятие читателя, ориентированное на маркеры конкретной художественной действительности, а также на общекультурный контекст и фоновые знания о реальной действительности, отражение которой фигурирует, как было сказано выше, в основе художественного текста, никоим образом не связано с личностью автора.

А.А. Потебня заметил следующее: «Раз созданный образ освобождается из-под власти художника, являясь чем-то посторонним для него самого» [37, с. 330]. Мы не касаемся здесь вопросов порождения художественного текста и авторского восприятия, однако очевидно, что для читателя любой текст, порожденный в рамках художественного произведения персонажем, становится речевым актом, производимым данным персонажем, а не фигурой автора – даже в том случае, если повествование ведется от первого лица и автор выступает как автор-повествователь. Комплексная специфика художественной реальности, способной представить нам персонажа как полноценную личность, обуславливает правомерность представления персонажа как языковой личности.

М. Бахтин писал: «Слово героя создано автором, но создано так, что оно до конца может развить свою внутреннюю логику и самостоятельность, как чужое слово, как слово самого героя» [цит. по: 56]. Несмотря на все вышеотмеченное, следует остановиться на том, что слово героя, во всей полноте принадлежности языковой личности, тем не менее, ограничено рамками художественного текста. Реконструкция языковой личности персонажа осложняется тем, что набор ситуаций, репрезентирующих персонажа в целом в деятельности, а не только в деятельности речевой,

ограничен пространством предлагаемой нам художественной реальности, из чего, казалось бы, на первый взгляд, следует неполноценность подобных исследований, определенная по умолчанию. Однако если мы обратимся к исследованиям, касающимся языковой личности «живого» говорящего, к трудам из областей дискурсологии и нарратологии, посвященным языковой личности, то заметим следующее: исследователи не рассматривают языковую личность *вообще*, реконструкция модели всегда происходит на базе некоего ограниченного отрывка текста (звучащего, письменного, результата анкетирования, интервью и т.п.). При подобном подходе нам кажется необходимым снять вопрос о самой возможности рассмотрения языковой личности во всей ее полноте: ведь на практике подобное решение – исследовать языковую личность *всесторонне* и *полноценно* – означало бы длительное наблюдение за отдельно взятым индивидом, абсолютную включенность всех его внутренних и внешних речевых произведений в исследование и постоянный исследовательский контроль за изменениями языковых структур – иначе говоря, подобное исследование практически невозможно. Следовательно, любое рассмотрение языковой личности является не универсальным моделированием или описанием, а рассмотрением некоего аспекта в рамках конкретного речевого произведения, ограниченного условиями коммуникативной ситуации. Таким образом, рассмотрение персонажа художественного произведения как языковой личности представляется нам достаточно правомерным, а материал, которым мы располагаем, – достаточно исчерпывающим для проведения исследования.

Отдельной стороной при рассмотрении персонажа художественного текста с позиции языковой личности выступает определяемая теми же рамками художественной действительности явность мотиваций, целеустановок и эмоциональных реакций персонажей. При анализе «живого» человека говорящего мы сталкиваемся с необходимостью реконструкции прагматикона ЯЛ либо на основе исключительно языковых средств, либо при

помощи интроспекции (что не всегда возможно, этично, дозволительно и т.п.); в художественном же тексте становление речевого акта как поступка от некоего внутреннего стимула до внешней реализации зачастую очевидно и явно. Контекстуальная интерпретация, реакция адресата сообщения, способы описания невербальных реакций и иные избираемые автором, но принадлежащие персонажу способы маркировки речевого произведения дают нам возможность с большей точностью, нежели при работе с «живым» человеком, выстроить модель ЯЛ на всех ее уровнях. Особое внимание здесь следует уделить возможностям описания прагматикона, ведь, как было сказано выше, именно они представляют наибольшую сложность для данного типа лингвистических исследований.

Таким образом, опираясь на понимание структур художественного текста и особенностей индивидуально-авторской картины мира как основы, формирующей законы художественной действительности, принимая художественную действительность как реальную и объективную для восприятия и отражения, мы можем утверждать, что персонаж художественного текста в полной мере выступает и реализует себя как языковая личность. Также отметим, что все параметры коммуникативной ситуации, специфика условий коммуникации, особенности выбора и наполнения речевых актов языковой личностью могут быть описаны в рамках данного исследования без дальнейших уточнений правомерности используемых формулировок. Комплексное представление о языковой личности, определенное в современной лингвистической парадигме и положенное в основу данного исследования, реализуется в нижеследующих попытках представления персонажа Петра Первого в рамках художественной реальности романа А.Н. Толстого как языковой личности во всей ее полноте.

Глава 2. Анализ образа Петра I как языковой личности (на материале романа А.Н. Толстого «Петр Первый»)

2.1 Анализ лексикона языковой личности

При разработке модели описания языковой личности Ю.Н. Караулов придерживался принципа системности по вертикальной оси; таким образом, каждый последующий уровень включал в себя единицы предыдущих уровней и структурировал их с точки зрения функционирования в пространстве дискурса языковой личности. Разумеется, данное утверждение представляет собой крайне упрощенную модель: на практике же взаимодействие трех уровней языковой личности скорее напоминает диаграмму Венна, чем пирамидальную систему. Тем не менее, с точки зрения системно-структурного подхода к описанию языковых единиц, лексемы представляются единицами более низкого уровня, нежели речевые акты, наполнением которых они являются. Иной причиной для того, чтобы именно анализ и описание словника языковой личности стало точкой отсчета для исследования является тот факт, что лексические единицы предоставлены нашему непосредственному наблюдению и стратификация их с позиций частотности, соотнесения с классами частей речи, стилистической маркированности, лексико-семантической организации и т.п. дает нам возможность для первого взгляда на ЯЛ в ее условном модельном представлении; иными словами, подобные статистические данные очерчивают круг исследования и создают некие предварительные ориентиры, благодаря которым мы можем в дальнейшем продвигаться в исследовании с определенным вектором, не пытаясь проанализировать все возможные данные и контексты вообще.

В соответствии с описанием Ю.Н. Караулова лексико-семантического уровня, а также с опорой на монографию-исследование Л.Н. Чурилиной [56] нами была произведена выборка фрагментов, репрезентирующих языковую

личность в тексте романа, включая: а) прямую речь; б) письменную речь (тексты писем); в) внутреннюю речь персонажа; г) несобственно прямую речь. Таким образом, мы получили 635 фрагментов (под фрагментом мы подразумеваем извлеченную нами из общего текстового пространства романа А.Н. Толстого единицу; для прямой речи это реплика, для письма – полный фрагмент письма, для внутренней речи – реплика внутренней речи с маркером восприятия). Проанализированные фрагменты содержат 4 962 уникальных лексических элемента. Путем статистического компьютерного анализа (программа WordTabulator) данные элементы были упорядочены по частотности употребления и по алфавиту, в результате чего мы получили две таблицы на 4 962 элемента каждая. Далее путем аналитического подсчета данных при помощи формул-функций в Microsoft Excel был произведен анализ уникальных элементов с позиции частей речи на основе таблицы с алфавитным ранжированием (где мы маркировали элементы в соответствии с их принадлежностью к частям речи, а программа считала маркированные нами ячейки определенного цвета – для лексических единиц, и складывала их значения – для ячеек с числовыми значениями, в которых содержались цифровые обозначения индекса частотности).

Таблица 1

Распределение уникальных элементов по принадлежности к части речи

Часть речи	Количество единиц	Общее число употреблений
Глагол и его формы	1565	2449
Имя существительное	2034	3303
Имя прилагательное	596	714
Имя числительное	74	197
Наречия, модальные слова	261	849
Компаративы	44	84

Указательные слова и местоимения	250	1688
Служебные части речи, иноязыч. эл., иное	138	2878
ИТОГО	4 962	12 162

Данная таблица требует следующего комментария:

- во-первых, распределение по частям речи основано на аналогичном анализе текстовых фрагментов, репрезентирующих языковую личность, который мы находим в монографии Л.Н. Чурилиной (с некоторыми нашими отступлениями, которые оговорены ниже);

- во-вторых, из анализа нами были исключены (вынесены в отдельную графу в общей своей сумме как исключенные элементы): служебные части речи – предлоги, союзы, частицы, а также междометия; иноязычные слова, не являющиеся заимствованными – т.к. в анализируемых фрагментах присутствуют элементы дискурса на иностранном языке (немецкий, голландский, английский); сокращения неопределенной частеречной принадлежности;

- в-третьих, к именам существительным также были отнесены имена собственные, включая названия городов, стран, имена, фамилии и отчества людей, имена богов, названия праздников, названия кораблей, орудий и т.п.;

- в-четвертых, в вопросе, касающемся принадлежности некоторых лексических единиц, а именно – лексем по типу «туда», «здесь», «всегда», «везде» и прочих – мы рассматриваем их как местоименные наречия; модальные слова отнесены к наречиям в соответствии с организацией анализа Л.Н. Чурилиной;

- в-пятых, в случаях графического совпадения форм слова и появления, таким образом, омографов (что программа считает как единый элемент и указывает его общую частотность) был необходим и произведен дополнительный ручной анализ компонентов на основе контекстов их употребления; таким образом, например, из списка имен существительных

была исключена лексема «чай», используемая в качестве междометия, а также уточнена частеречная принадлежность устаревших слов, разведены формы-омографы, совпадающие для наречий и кратких прилагательных либо кратких причастий среднего рода, и пр.;

- в-шестых, к глаголу также отнесены формы причастия и деепричастия, включая краткое причастие и устаревшие формы деепричастий;

- в-седьмых, лексемы с написанием через дефис считаются как одна неделимая лексема, в том числе в случае архаистичности данного написания (например, «со-всей»).

Данные таблицы классификации элементов по частям речи позволяют заключить, что преобладающими элементами в дискурсе ЯЛ являются имена существительные (в этом вопросе, разумеется, мы учитываем самостоятельные и, что важнее, значимые части речи, исключая местоимения). С одной стороны, преобладающее использование имен существительных характерно для нормированных стилей, однако из этого не следует заключать, что речь рассматриваемого нами персонажа, Петра Первого, не содержит в себе разговорных элементов и представляет собой некую «высокую» стилизацию – в противовес частотности глагола и его форм в разговорной речи; с другой стороны, преобладание существительных и в целом преобладание частотности существительного в дискурсе является нормой для русского языка (см., например, словарь частотности Ляшевской О.Н. и Шарова С.А. [60]).

Далее, в качестве следующего этапа исследования, нами был произведен анализ таблицы частотности употребления конкретных лексических элементов, в результате чего составлена следующая таблица, репрезентирующая наиболее частотные единицы. При анализе нами были исключены, в соответствии с рекомендациями Ю.Н. Караулова к анализу лексикона языковой личности, служебные части речи и местоимения. Таким образом, ключевые элементы лексикона репрезентируются в следующем порядке.

Таблица частотности уникальных элементов (фрагмент)

#	Элемент	Частота
1.	Здесь	51
2.	Надо	31
3.	Дело	27
4.	Быть	27
5.	Люди	26
6.	Будет	22
7.	Раз	19
8.	Есть	19
9.	Много	17
10.	Данилыч	17
11.	Петр	16
12.	Тысяч	15
13.	Нужно	15
14.	Людей	15
15.	Воевать	15
16.	Сегодня	14
17.	Зело	14
18.	Дурак	14
19.	Город	14
20.	Был	14
21.	Будем	14
22.	Три	13
23.	Один	13
24.	Море	13
25.	Ждать	13
26.	Буду	13
27.	Человек	12
28.	Теперь	12
29.	Нельзя	12
30.	Корабли	12
31.	Иван	12

32.	Знаю	12
33.	Алексашка	12
34.	Хорошо	11
35.	Франц	11
36.	Сюда	11
37.	Король	11
38.	Дня	11
39.	Деньги	11
40.	Два	11
41.	Господин	11
42.	Генералы	11
43.	Бог	11
44.	Молчи	10
45.	Денег	10
46.	Деле	10
47.	Дела	10
48.	Взять	10
49.	Бояре	10
50.	Хочу	9
51.	...и далее	

Из данной таблицы не исключены имена собственные, также мы видим, что формы одного и того же слова считаются двумя разными элементами (в частности, парадигма спряжения глагола «быть», элементы парадигмы склонения лексемы «дело»). Однако эта таблица дает нам представление об абсолютной частотности употребления единиц, в том числе включая частоту употребления отдельно взятых грамматических форм. Несмотря на то, что вне контекста подобные данные представляются практически условным набором единиц, данная таблица существенно облегчает и направляет наш дальнейший анализ.

На ее основе мы распределяем наиболее частотные элементы по лексико-семантическим группам. На этом этапе мы также производим сведение словоформ в единый индекс частотности употребления лексемы; таким образом, наиболее частотными становятся лексемы:

- «дело» (51 употребление словоформ);
- «люди» (49; плюс ед.ч. «человек» – 14, итого – 63);
- «бог» (36);
- «надо» (31);
- «дурак» (27);
- «море» (26);
- «день» (25);
- «корабли» (25);
- «деньги» (24);
- «Москва» (24).

В дальнейшем при формировании лексико-семантических групп учитывался индекс частотности в общей таблице частотности элементов, абсолютный индекс частотности лексемы (сведенные словоформы), контекстуальное использование элементов (для ближней периферии ЛСГ и разведения омографов, а также при необходимости в некоторых частных случаях). Таким образом, в состав ЛСГ не вошли элементы, чья частота

употребления ниже трех, а также элементы, не относимые тематически к выделяемым нами наиболее актуализированным в речи ЛСГ.

Ядром ЛСГ является понятие, определяемое как ключевое не только с позиции общей семантики, но и с позиции индекса частотности в основной таблице. Следует также добавить, что мы ограничили представленные ниже ЛСГ количеством десять, поскольку, на наш взгляд, десять ядерных элементов дают представление о наиболее употребимых элементах словника, а сумма элементов приядерной зоны и ближней периферии создает представление о лексико-семантической базе; к тому же в ином случае описание и классификация элементов по ЛСГ потенциально бесконечно.

ЛСГ представлены в алфавитном порядке. Название ЛСГ дано по ядерному понятию.

1. ЛСГ «Бог». Ядерное понятие «бог», 36 случаев употребления словоформ, при этом в словнике отсутствуют лексемы «вера» и «религия» (по этой причине мы не считаем возможным выносить их в качестве названия ЛСГ), а глагол «верить» употребляется всего 4 раза; лексема «церква» (т.е. совр. «церковь») употребляется 2 раза. Таким образом, в качестве периферийных компонентов выступают лексемы «черт» – 18 употреблений, «монастырь» – 6, «патриарх» – 6, «верить» – 4.

2. «Война». К данной ЛСГ относятся: а) ядро – «война» (11 употреблений), «воевать» – 16 (согласно частотности, «воевать» более употребимая лексема в своих словоформах, однако в качестве ядерного понятия мы предпочитаем существительные, наделенные максимально конкретным и определяемым значением, т.е. существительные предпочтительнее глаголов и глагольных форм); б) периферийные компоненты (в порядке убывания частотности): «генерал» – 22, «войска» – 21, «солдат» («солдаты») – 16, «пушка» («пушки») – 11, «военный» – 7, «воевода» – 7, «стрельба» – 6, «стрелять» – 5, «армия» – 4, «кумпания» (т.е. военная кампания) – 4.

3. ЛСГ «Город» (21). Примечательно, что в данную ЛСГ входят в качестве периферийных компонентов практически исключительно топонимы, так как элементы семантической общности в словнике практически отсутствуют (за исключением лексемы «деревня» с индексом абсолютной частотности 3 и лексемы «дом» с индексом 14). Периферийные лексемы-топонимы: «Москва» – 24, «Нарва» – 20, «Азов» – 11, «Новгород» – 9, «Архангельск» – 7, «Петербург» (в написании «Питербурх» либо «Питербург») – 5.

4. ЛСГ «Государство» (5). К данной ЛСГ, помимо родственных лексем, репрезентирующих отношение к обозначенному объекту «государство», входят также лексемы, для которых тематически «государство» выступает как дифференциальный признак и служит одним из ключевых компонентов значения, а именно – лексемы, обозначающие национальность либо гражданство. Периферийные компоненты: «швед» – 23, «король» – 22, «турки» – 10, «страна» – 7, «царь» – 7, «Голландия» – 7, «русские» (в контексте «люди») – 7, «Европа» – 6, «государь» – 5, «величество» – 5, «Россия» («Русь») – 4, «иностранцы» – 3.

5. ЛСГ «Дело» (51). Основной приядерный компонент: «делать» – 16. Периферические компоненты приращены контекстуально и включают в себя такие лексемы как: «война» – 11, «учиться» – 10, «науки» – 10, «строить» – 8, а также элемент модальной ЛСГ «Надо» – «должен» (10).

6. ЛСГ «Деньги» (24). Включает в себя периферийные компоненты: «купцы» – 12, «купить» – 12, «копейка» – 5, «ефимки» – 4, а также контекстуально частотное употребление глагола «взять» – 11.

7. ЛСГ «Люди» (49 плюс «человек» – 14, итого 63). Включает в себя различные дифференциации, а также наиболее частотные имена собственные-антропонимы (по нашему мнению, исключение их из этого ряда невозможно, поскольку речь идет о репрезентации ключевого понятия через индивидуальное, таким же способом, каким «человеческое» становится «личностным», и при исследовании, посвященном рассмотрению языковой

личности, игнорировать ориентацию рассматриваемой личности в лексических маркерах проявления на иных окружающих личностей мы не вправе). Периферийные компоненты: «мамания» («мать», «матушка», «маменька») – 19, «бояре» – 15, «дядя» – 6, «мастер» – 5; также: «господин» (вкл. мн. ч. «господа») – 22; имена собственные: «Александр Данилович Меншиков» («Алексашка», «Меншиков», «Данилыч») – 36, «Петр» (элемент группы я-репрезентации личности; в написаниях «Петр», «Питер», «Петрус», «Птръ») – 30; «Франц Лефорт» – 17, «Карл» – 16, «Анна» («Анхен», «Аннушка») – 10, «Катерина» – 8, «Дуня» («Дуняша») – 7, «Софья» («Сонька», т.е. сестра, царевна Софья) – 5; также компоненты ЛСГ «Война»: «генерал» – 22, «войска» – 21, «солдат» – 16; компоненты группы «Государство», содержащие в себе элементы национального соотношения человеческих общностей и титульную дифференциацию (см. ЛСГ «Государство»); иные компоненты профессиональной дифференциации (по типу «бояре» и «солдат»).

8. ЛСГ «Море» (26). Компоненты: «корабли» – 25, «суда» – 8, «морской» – 6, «плавать» – 6, «корабельный» – 5, «верфи» – 4; также контекстуально включается в ЛСГ «война» с привлечением практически всех базовых компонентов и ЛСГ «дело»; контекстуально включает лексему «любить» в личных формах глагола – 4 употребления.

9. Специфическая лексико-семантическая группа модальности «Надо» (31), включающая компоненты «нужно» – 15 (синонимичный), «нужный» – 27, «нельзя» – 12, «должен» – 10, «можно» – 6. Данная группа близка к функционально-семантическому полю и представляет собой особую оценочность восприятия действительности.

10. Особого анализа заслуживает представление ЛСГ «Время», так как она не только отражает представления личности о времени, но и ее ориентацию в данной категории, особенности восприятия себя через категорию мышления. Данная структура репрезентована следующим образом.

Время (9)

«Год» – 16, «месяц» – 3, «неделя» – 6, «день» – 25 («ночь» – 7), «час» – 8

Было – 52	Есть – 17	Будет – 57
Раньше – 5	Теперь – 12	
Прежде – 1	Сейчас – 9	Потом – 8
Старина – 4	Отныне – 2	
Прошлое – 1	Настоящее – 0	Будущее – 1

Вчера – 2	Сегодня – 14	Завтра – 8
Вчерашний – 1	Нынче – 5	Завтрашний – 3
	Ныне – 2	
	Нынешний – 3	

Как мы упоминали выше, выделяется также особая группа лексем, служащих для я-репрезентации личности, в состав которой входят личные местоимения, самоиминация, глаголы личных форм и т.п. Так, местоимение «я» в его формах употребляется 183 раза, притяжательное местоимение «мой» – 14 раз; однако по причине специфики представления данной конкретной личности контекстуально в эту группу также приращается притяжательное местоимение «наш» – 37 употреблений (в этом случае мы сталкиваемся с метонимическим переносом, когда – ситуативно – говорящий, являясь высшим должностным лицом в своей стране, переносит на свою я-личность образ всего государства и употребляет «мы» (73 раза в общем употреблении, в оговоренном в данной группе – 41) и в значении «я», и в значении «мое государство»). Далее, употребление личного имени собственного «Петр» в нескольких формах написания включает в себя 30 единиц, в т.ч. «Петр», «Петрус», «Питер», «Птръ». Глаголы в личной форме настоящего и будущего времени употребляются 206 раз. Также важно

отметить глаголы повелительного наклонения, присущие данной конкретной личности по причине ее статусного положения – 170 единиц.

Иной формой саморепрезентации выступают единицы с четкой стилистической маркированностью восприятия и оценочности. К таким единицам можно отнести частотную лексику «дурак» (27 употреблений), «молодец» (6), лексику «глупый» (5), «парадиз» (5), «хорошо» (11), компаратив «хуже» (11) и иные компаративы, а также лексемы со значением модальности. Следует отметить, что в целом лексемы с маркерами оценочности распространены в словнике персонажа, однако их употребления, чаще всего, единичны.

В сумме наиболее частотные элементы включают в себя около пятисот уникальных единиц (включая исключенные из таблицы частотности служебные части речи и т.п.) в 6 593 употреблениях, что составляет более половины всех лексических употреблений в выбранных нами фрагментах.

Таким образом, нами был составлен и проанализирован словник рассматриваемой фигуры персонажа, царя Петра Алексеевича в текстовом пространстве романа А.Н. Толстого «Петр Первый». Словник распределен на лексико-семантические группы, рассмотрен с позиции частотности употребления лексем и употребления классов слов различной частеречной принадлежности. Представленное описание словника позволяет говорить о богатстве и разнообразии словоформ в дискурсе персонажа, выделить основные личностные ориентиры и наметить для рассмотрения ключевые мотивационные центры с точки зрения как фактического, так и коммуникативного поведения, а также определить направление для рассмотрения более высоких уровней организации ЯЛ – лингво-когнитивного и прагматического. На уровне лексикона мы обращались к контексту по большей части для уточнения и разведения употребляемых понятий, из чего следует, что анализ словника – результат, как и было оговорено нами выше, скорее статистической работы; в дальнейшем исследование будет сосредоточено на смысловых центрах, особенностях

коммуникативного поведения, а также на вопросах мотивации порождения речи и инициации коммуникации для данной конкретной личности.

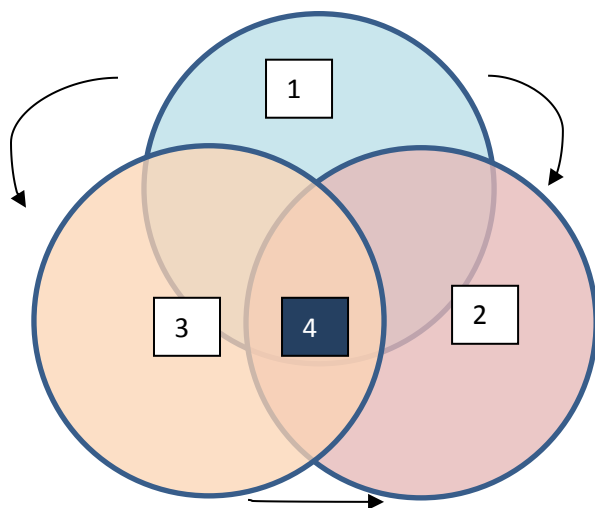
2.2 Анализ тезауруса языковой личности

Анализ тезауруса, как было сказано выше, предполагает анализ когнитивной базы языковой личности и описания ключевых узлов идиосемантической сетки, которые отражаются в индивидуальной языковой картине мира, при том, что та, в свою очередь, служит слепком восприятия мира объективной действительности. Восприятие действительности индивидом вообще имеет свои закономерности и является предметом различных психологических исследований, в которых психологи рассматривают переложение человеком реальности объективной в реальность субъективную. В связи с этим в психологии существует не только понятие восприятия в широком смысле слова, но и понятие экзистенции как субъективного бытия (см. Хайдеггер, Гуссерль и пр., а также Л. Бинсвангер и экзистенциальный анализ в психологии), и это субъективно-личностное бытие происходит как бы на границе между реальной действительностью и индивидуальной, служит и формой, и способом включения личности на своем высшем уровне индивидуальности в реальную действительность, предоставляя возможности взаимодействия с объектами этой действительности. Законы экзистенции определяются экзистенциальными установками личности и определяют различные аспекты и бытия, и восприятия: от формирования ключевых когнитивных узлов и, соответственно, распределения акцентов на явлениях действительности (следовательно – регуляции внимания, следовательно – работы адаптационных и защитных механизмов, рефлексии и т.п.) до мотивационных факторов и оформления фактической деятельности, включая деятельность речевую.

Таким образом, рассмотрение нами когнитивного уровня также опосредованно подразумевает вычленение ключевых экзистенциальных установок личности – пусть и не включает в себя компоненты психоанализа, тем не менее, де-факто касается их. Распределение лексических единиц по семантическим группам позволяет выделить ключевые, акцентированные самой личностью объекты и явления воспринимаемой действительности; выходя же за границы лексической базы словника, привлекая контекст и анализ ситуаций коммуникативных взаимодействий, мы касаемся и протекания психических процессов, и ценностных и нравственных установок конкретной личности.

В связи с анализом тезауруса и прагматикона Ю.Н. Караулов замечал, что исследование прагматического уровня осложнено тем, что необходимо рассмотрение не только тактико-стратегических компонентов реализации коммуникации, но и неких мотивационных структур, существующих в сознании – иными словами, рассматривать не только инструмент, но и причину, по которой инструмент вообще необходимо использовать. Разумеется, здесь мы соприкасаемся с вопросами порождения речи, однако в данную структуру входит тот самый мотивационный компонент, некий стимул к вступлению в коммуникацию, описание которого и вызывает определенные трудности в современной лингвистике.

Схема 1

При рассмотрении вышеописанных вопросов, принимая во внимание разработки в области методологии описания языковой личности, предложенные в работах современных исследователей, а также ознакомившись с исследованиями в сферах теории коммуникации, когнитивной лингвистики,

лингвопрагматики и лингвокультурологии, мы пришли к выводу, что для описания тезауруса и прагматикона языковой личности будет справедлива следующая модель (схема 1), состоящая из трех основных компонентов: 1) лингвокогнитивный стимул; 2) коммуникативная ситуация с присущими ей характеристиками, а также база коммуникативных стратегий и тактик, которыми владеет языковая личность; 3) база языковых единиц, включающая в себя лексические единицы словника и синтаксические модели построения предложений; все вместе три вышеперечисленных компонента представляют собой инструментарий языковой личности, который реализуется в конкретной ситуации коммуникации, где мы получаем 4) реальное проявление ЯЛ.

Ниже приведем подробное описание компонентов данной схемы.

1. Стимул. Понятие стимула используется в различных разделах психологии и в общем смысле определяется как «воздействие, обуславливающее динамику психических состояний индивида (обозначаемую как *реакция*) и относящееся к ней как причина к следствию» [61, с. 385-386] (курсив источника). Таким образом, стимул определяется как мотивирующий фактор для динамических изменений психики, в более широком рассмотрении – как мотивация к действию. При этом стимул не является целью конкретного действия или деятельности вообще, он представляет собой единицу мотивации, а не интенции. По этой причине мы и обращаемся к данному термину как в достаточной мере адекватно и однозначно определяющему компонент структуры языковой личности. Однако к какому уровню ЯЛ относится данный компонент? Вопрос достаточно сложный, поскольку база стимула, в нашем понимании, лежит в сфере когнитивной, но функционирование напрямую зависит от прагматического уровня.

Стимул представляется нам личностно значимым понятием, обладающим уникальной семантизацией (как если бы мы анализировали проявления конкретного концепта в сознании одного конкретного носителя языка; т.е.

эта уникальная семантизация – следствие индивидуального, личностного опыта, некий уникальный код, окрашивающий понятие исключительно и только для конкретной личности) и мотивирующее речевые и фактические действия так же, как их способны мотивировать наши прочие концептуальные представления. При дешифровке данного кода мы сталкиваемся с некой погрешностью, на которую указывал Ю.М. Лотман, говоря об отсутствии абсолютной идентичности кодов говорящего и слушающего и сравнивая коммуникацию с неким переводом «с языка моего “я” на язык твоего “ты”»: «Самая возможность такого перевода обусловлена тем, что коды обоих участников коммуникации хотя и не тождественны, но образуют пересекающиеся множества» [цит. по: 32, с. 187]. Таким образом, код коммуникации не определяется исключительно культурно значимыми понятиями, реализованными в культурных концептах и функционирующих в национальной картине мира; в то время как концепт представляется универсальной единицей, в коммуникации, по сути, фигурируют индивидуально окрашенные и трансформированные в результате пребывания в индивидуальном личностном коде понятия. Продолжая считать общую для всех носителей языка фактическую информацию, некий «диктумный» смысл высказывания, ЯЛ меняет известный код, привнося в него смыслы и понятия; в той же мере это работает в ситуации, когда ЯЛ выступает в роли слушающего.

Опишем для наглядного обобщения все вышеописанное схемой, где как 01 обозначим универсальное, определяемое действительностью либо общими для коммуникантов культурными концептами; как 1-01 обозначим индивидуальное, имеющее уникальную семантизацию; А и В – некие сообщения.

В ситуации общения, таким образом, происходит следующее:

$A = 01 \rightarrow 01 = A$: адресант использует некий общий концепт, код дешифруется адресатом.

$A = 1-01 \rightarrow 01 = B$: адресант обращается к уникально семантизированному в рамках его личной действительности понятию, однако адресат считывает лишь общую информацию.

Такое явление, разумеется, не означает невозможность полноценного диалога, но накладывает *ограничение на качество и количество* передаваемой и воспринимаемой информации. Необходимый, по Лотману, «перевод», тем не менее, зачастую осуществляется участниками коммуникации автоматически, без включения дополнительных смысловых центров и маркеров в высказывание; здесь подключается опыт коммуникации, позволяющий максимально эффективно регулировать использование языковых и неязыковых средств для максимально успешной коммуникации – то есть опыт, лежащий в сфере прагматического уровня.

Стимул же, о котором мы говорим, представляет собой единицу с оговоренной уникальной семантизацией, основной функцией которой является мотивация к коммуникации и деятельности. Стимул в нашем случае, повторимся, понятие языковое. Эта уникальная стимульная семантика может значительно и даже категорически отличаться как от концептуально принятой и закреплённой в языке, отражённой в сознании всех носителей, так и от непосредственного семантического значения.

Стимул включает в себя, прежде всего, облечённый в вербально доступные образы круг лексических и семантических понятий. Структура стимула схожа со структурой концептуальных понятий и лексико-семантических групп: присутствует некое ядро – основное слово-стимул (за словом-стимулом стоит конкретный объект или явление действительности; по нашему размышлению, это ядро всегда конкретное, не абстрактное понятие, что связано с предметным восприятием человеческого сознания, однако предметное понятие маркировано эмоционально-экспрессивным компонентом отношения, являющимся результатом формирования стимула на основе личного опыта, т.к. личный опыт сам по себе включает в себя конкретный эмоциональный компонент); также присутствует ближняя

периферия – это уникально семантизированная в соответствии с семантикой слова-стимула лексико-семантическая группа, включающая в себя конкретные речевые единицы. Особенность ЛСГ заключается в том, что единицы ее служат в сознании носителя стимула для маркирования всего, со стимулом связанного; практически невозможно восприятие их вне стимульного представления, поскольку восприятие не является процессом сознательным и контролируемым (в отличие от реакций, следующих из восприятия). Стимульная ЛСГ представляет собой слова-маркеры, по которым мы можем обнаружить проявление стимула: сохраняя свое лексическое значение, они наиболее часто употребляются в ситуациях общения, мотивированных стимулом, и служат для выражения ЯЛ, наиболее продуктивны для достижения цели общения, являются знаком, содержащим в себе в качестве означающего стимульное понятие. При употреблении лексем, составляющих ближнюю периферию, повторяется осложненная ситуация декодирования, т.к. эти лексемы актуализируют в сознании ЯЛ стимул и все, что с ним связано, включая комплекс эмоциональных реакций. В качестве дальней периферии выступают контекстуально семантизированные под стимул лексемы – т.е. более частные случаи проявления, скорее всего, единичные.

Таким образом, стимул представляется нам лингвокогнитивной единицей, отражающей, формирующей и формирующейся в зависимости от а) установок личности; б) ее деятельностных проявлений; в) приобретения некоего личностно значимого опыта; г) общей деятельностно-мотивационной структуры личности.

2. Стимул реализуется в непосредственной ситуации. В «2», т.е. в коммуникативную ситуацию, включаются все характеристики, свойственные ей: специфика адресата (социальное отношение, пол, возраст и т.п.), интенция говорящего, интенция слушающего и пр. Стимул порождает коммуникативную ситуацию, поскольку без стимула большинство личностно окрашенных и значимых разговоров между людьми оказываются не

мотивированны; стимул также диктует модус высказывания, в то время как «бесстимульные» высказывания представляют собой диктумные модели. Являясь носителем широкого, но в то же время конкретного, личного значимого кода, стимул влияет на выбор и специфику коммуникативных ситуаций и их восприятие конкретной языковой личностью.

3. Третий компонент схемы – собственно языковые средства, вербальные и невербальные, в том числе широкое понятие о языковой модели и структуре как способе реализации коммуникативных тактик и стратегий. Третий уровень – это база языковых элементов, из которой под воздействием стимула и в соответствии с параметрами КС делается «выборка» актуальных ситуации общения единиц. Стимул мотивирует их использование: они, в свою очередь, не способны существовать вне коммуникативной ситуации. В сумме компоненты 2 и 3 отражают лексико-семантический и прагматический уровень языковой личности, в то время как стимул 1 принадлежит когнитивному уровню.

В результате функционирования данной модели мы наблюдаем фактическое проявление ЯЛ в конкретной коммуникативной ситуации. Т.е. обозначенный компонент 4 – это реализация всех теоретических параметров и единиц «на практике», ЯЛ в действии, в действительной парадигме общения (казалось бы, нам стоит употреблять в этой ситуации термин «речевая личность» или хотя бы «коммуникативная личность», однако в контексте описания стоящей за реализацией ЯЛ схемы-структуры, представляющей собой теоретический инструмент ЯЛ, мы считаем более верным продолжать придерживаться курса рассмотрения проблематики ЯЛ и не апеллировать к иным терминосистемам).

Следует также добавить, что предложенную схему можно – и необходимо – расширить до двух подобных схем, каждая часть которой будет соотноситься с аналогичной. Первая схема в таком случае будет принадлежать говорящему, а вторая – слушающему. Вот почему это важно: используемые адресантом и адресатом языковые средства из сферы 3 и их

роли в сфере 2 могут запускать смену стимулов либо влиять на выбор, в соответствии с «рабочим», главным стимулом ситуации общения, языковых средств при ответном речевом действии. В таком случае мы обращаемся к слушающему как референту языковой личности, находящемуся под воздействием и взаимно влияющим на коммуникативное поведение и сознание ЯЛ. Стимул в нашем понимании – структура динамичная, к тому же в сознании ЯЛ присутствует не один-единственный стимул, а нарабатываемая по мере обретения жизненного опыта сетка, «стимульная карта», компоненты которой находятся в постоянном взаимодействии друг с другом и актуализируются в зависимости от содержания и условий ситуации общения, а также могут претерпевать значительные изменения при переживании какого-то критического личностного опыта.

Руководствуясь предложенной моделью и сделанными нами уточнениями, попробуем проследить за формированием и динамикой стимула, описать присущие рассматриваемой нами ЯЛ особенности речепостроения и прагматические единицы; иными словами, реализуем модель анализа на практике.

В качестве рассматриваемого стимула разумно было бы выбрать наиболее весомое и частотное с точки зрения наличия лексических единиц понятие, фигурирующее в словнике. Согласно изложенной в первом параграфе статистике, таким понятием является «люди», за ним следует «дело». Частотность ориентирует нас на представление рассматриваемого понятия как актуального для личности, что сама личность осознает и использует при совершении тех или иных поступков, однако одной частотности, разумеется, недостаточно для утверждения понятия как стимульно значимого. Сделаем на данном этапе следующий вывод: в целом личность определяет себя как деятельностно ориентированную и, вероятно, социально включенную (см. количество антропонимов в составе ЛСГ «люди»). Разумеется, подобная расстановка акцентов мотивирована и социальным положением, и внешними социальными факторами (заметим, что мы стараемся придерживаться здесь

рассмотрения исключительно предоставленного текстового материала, не привлекая в этот круг стереотипы и наши знания об истории, поскольку и первое, и второе представляется нам результатом *нашего* восприятия объективной действительности, а не результатом речемыслительной деятельности рассматриваемого персонажа в рамках художественной реальности).

Статистически обе лексемы наиболее употребимы во второй части романа; рассматривая в целом всю структуру произведения в том порядке, в каком ее определил автор, мы находим три части, каждая из которых определенно соответствует этапу жизни персонажа и, что немало важно для нас, его психологическому взрослению:

- первая часть романа, посвященная детству и юности Петра, представляет нам человека, находящегося в поиске жизненных ориентиров и целей, во многом еще ребенка, для которого определяющей моделью становится игровое поведение (и способом самореализации, и способом познания действительности), которому свойственны активные процессы восприятия; в этот период он активно обучается, формирует умения, навыки – не только деятельностные, но и рефлексивно ориентированные (забегая вперед, отметим высокую степень эмоциональности Петра, которая накладывает отпечаток и на сформированность речевого комплекса, и на выбор вербальных и невербальных средств при построении коммуникации).

Например: *«В стекло чем-то бросили, Зотов открыл окно. Петр позвал, стоя под липой, – весь в пыли, в земле, потный, как мужичонок:*

– Никита, напиши указ... Мужики мои никуда не годятся, понеже старые, глупые... Скорее!

– О чем указ прикажешь писать, твое царское величество? – спросил Никита.

– Нужно мне сто мужиков добрых, молодых... Скорее...

– А написать, – для чего мужики сии надобны?

– Для воинской потехи... Мушкетеров прислали бы не ломаных и огневого зелья к ним... Да две чугунных пушки, чтобы стрелять... Скорей, скорей... Я подпишу, пошлем нарочного...» [53, с. 59];

Или: «Петр удивлялся и все спрашивал: “А это зачем? А это для чего? А это как устроено?..” Кукуйцы качали головами и говорили одобрительно: “О, молодой Петр Алексеевич хочет все знать, это похвально...”» [53, с. 63];

Или: «Найти Петра не так-то было просто, – разве в роще где-нибудь начнется стрельба, барабанный бой, – значит, там и царь: балуется с потешными. Никиту сколько раз брали в плен, привязывали к дереву, чтобы не надоедал просьбами – идти стоять обедню или слушать приезжего из Москвы боярина. [...] Играть Петр был горазд – мог сутки без сна, без еды играть во что ни попало, было б шумно, весело, потешно, – стреляли бы пушки, били барабаны. Потешных солдат из царских конюхов, сокольничьих и даже из юношей изящных фамилий было у него теперь человек триста. С ними он ходил походами по деревням и монастырям вокруг Москвы» [53, с. 70 и далее].

Обращаясь к более зрелому этапу в жизни персонажа, переходя от возраста 10-12 лет к возрасту 14-16 лет, отметим, что т.н. игровая деятельность видоизменяется, но не исчезает полностью, иными словами, взросление персонажа происходит медленно и даже мучительно – одним из поворотных моментов в этом плане становится угроза жизни царя от его сестры, царевны Софьи. Этот момент сильного эмоционального переживания значительно меняет персонажа, и он осознает происходящие процессы, в связи с чем мы наблюдаем внутреннюю речь (на характеристиках ее строевой организации мы остановимся ниже): «Петра все эти ночи томила бессонница. Только голова начнет проваливаться в подушку, почудится беззвучный вопль: “Пожар, пожар!” И сердце затрепещет, как овечий хвост... Сон – прочь. Успокоится, а ухо ловит, – будто вдалеке в доме за бревенчатыми стенами кто-то плачет... Много было передумано за эти

ночи... Вспоминал: хоть и в притеснении и на задворках, но беспечно прошли годы в Преображенском – весело, шумно, бестолково и весьма глупо... Оказался: всем чужой... Волчонок, солдатский кум... Проплясал, доигрался, – и вот уж злодейский нож у сердца...

Снова слетал сон. Петр плотнее скрючивался под одеялом.

...Сестрица, сестрица, бесстыдница, кровожаждущая... Широкобедрая, с жирной шеей... (Вспомнил, как стояла под шатром в соборе.) Мужицкое нарумяненное лицо, – мясничиха! Гранаты на дорогу велела подбросить... С ножом подсылает... В поварне вчера объявился бочонок с квасом, хорошо, что дали сперва полакать собаке, – сдохла...

Петр отмахнулся от мыслей... Но гнев сам рвался в височные жилы... Лишить его жизни! Ни зверь, ни один человек, наверно, с такой жадностью не хотел жить, как Петр...» [53, с. 144].

Однако это эмоциональное потрясение не становится единственным определяющим скачком для формирования вектора зрелой личности. Большое влияние также оказывает наглядное противопоставление двух образов жизни, двух специфических укладов: московской «старозаветной скуки» и жизни в немецкой слободе Кукуе. Борьба с царевной Софьей, включение в жизненный уклад, отличный от московского (при этом московский образ жизни ассоциативно связан с Софьей, что приводит к яркому неприятию этой действительности), получаемое Петром образование, связанное с военным делом, игровое поведение (с распределенными ролями, причем в иерархии распределения этих ролей Петр не всегда занимает высшую позицию – он выполняет и роль простого рабочего, и роль бомбардира, и роль подмастерья, и пр.) – все эти факторы становятся основой для формирования вектора деятельности, ориентированного на а) познание действительности; б) преобразование окружающей действительности; в) расширение сфер личностной деятельности. Все вышеуказанное приводит к следующей модели самоопределения, которую мы наблюдаем в прямой речи персонажа: «– В Москве – науки, искусства! – сказал он, лягнув ногой под

столом. – Сам их здесь только увидел... Их у нас не заводили, боялись... Бояре наши, дворяне – мужичье сиволапое – спят, жрут да молятся... Страна наша мрачная. Вы бы там со страху дня не прожили. Сижу здесь с вами, – жутко оглянуться... Под одной Москвой – тридцать тысяч разбойников... Говорят про меня – я много крови лью, в тетрадах подметных, что-де я сам пытаю... [...] Так вы тому не верьте... Большие всего люблю строить корабли... Галера «Принкипиум» от мачты до киля вот этими руками построена (разжал наконец кулаки, показал мозоли)... Люблю море и очень люблю пускать потешные огни. Знаю четырнадцать ремесел, но еще плохо, за этим сюда приехал... А про то, что зол и кровь люблю, – врут... Я не зол... А пожить с нашими в Москве, каждый бешеным станет... В России все нужно ломать, – все заново... А уж люди у нас упрямы! – на ином мясо до костей под кнутом слезет... – Запнулся, взглянул в глаза женщин и улыбнулся им виновато: – У вас королями быть – разлюбезное дело... А ведь мне, мамаша, – схватил курфюрстину Софью за руку, – мне нужно сначала самому плотничать научиться» [53, с. 275-276].

• во второй части нам представлен молодой человек со сформированными целями и идеями, желающий охватить большое количество сфер деятельности, не во всем добивающийся успеха, но обладающий четкими векторами, определяющими поступки. Уровень самосознания, а также осознания значимости собственной деятельности растет по мере приобретения опыта, постановки целей и их достижения. По-иному распределяются сферы деятельности: помимо активной трансформации действительности, попыток перемены укладов российского общества, в активную деятельность входят политические и военные кампании. Противопоставление удачному взятию Азова представляет поражение русской армии под Нарвой; оба этих факта действительности определяются самим персонажем в дальнейшем как наиболее значимые (ср. цитата из третьей части в связи с битвой за Нарву: «– Здесь погибла моя армия, – сказал он просто. – На этих местах король Карл нашел великую

славу, а мы – силу. Здесь мы научились – с какого конца надо редьку есть, да похоронили навек заостенелую старину, от коей едва не восприяли конечную погибель...» [53, с. 619]).

- в третьей части мы видим зрелого мужчину, чье мышление ориентировано вовне, количество сфер деятельности сокращено, самореализация достигла некой определенной изнутри точки, значимого рубежа. Полученный опыт позволяет ему проводить наиболее эффективную деятельность и в вопросах реформации, которые постепенно становятся менее актуальными, так как поставленные цели достигнуты к этому времени в достаточной мере и достаточно успешно, и в вопросах военной и политической деятельности (приведенная выше цитата касается повторного возвращения к взятию Нарвы, на этот раз успешному).

Важно рассмотреть и самономинацию в соответствии с этими частями: в первой части герой представлен нам как «Петр», производные – «Петрус», «Петрунька», зачастую «он», также в самономинации использует анималистические образы («волк», «волчонок»); во второй части он представляется как «Петр», иногда «царь»; для окружающих становится «государем», «Петром Алексеевичем»; в третьей части сам себя определяет как «Петр Алексеевич» с редким употреблением номинатива «Петр». Можно сделать вывод, что самоопределение и самономинация отражают процессы становления личности, в некоторой степени – границы ее самопознания, и эти процессы логически распадаются на три этапа (заметим, что мы не говорим здесь об авторском замысле, каким бы очевидным он ни был, а касаемся лишь самой личности).

Как уже было сказано, и «дело», и «люди» актуализируются на втором этапе, что не означает их отсутствие на первом – на втором они лишь выходят на передний план, оформляются, набирают понятийную и идейную базу для того, чтобы являться реально мотивирующим фактором. При этом по отношению ко всему рассматриваемому этапу жизни и деятельности личности «дело» выступает как некий **метастикул**, вбирающий в себя, в

соответствии с устройством психологической организации, прочие стимулы и ранжирующий из в соответствии с ситуативными приоритетами. Однако, в таком случае, с какими понятиями мы имеем дело на первом этапе и как оформляются эти наиболее важные, личностно определяющие категории? Обратившись вновь к таблице частотности, выделим группу модальности – «надо» и две ЛСГ, тематически наиболее близких к рассматриваемым: «война» и «море». Проанализировав текст первой части романа в тех фрагментах, где нам представлена фигура персонажа, получаем следующее: и «море», и «война» предстают актуальными понятиями и контекстуально включаются в понятие «дела». Например:

*«— Святейший отец, – сказал Петр с приличным гневом (у Натальи Кирилловны изумленно поднялись брови) – горько, что нет между нами единомыслия... Мы в твоё христианское дело не входим, а ты в **наше военное дело**ходишь... Замыслы наши, может быть, великие, – а ты их знаешь? **Мы моря хотим воевать**... Полагаем счастье нашей страны в успехах морской торговли. Сие – благословение господне... Мне без иноземцев в **военном деле** никак нельзя... А попробуй – тронь их кирки да костелы, – они все разбегутся... Это что же... (Он стал глядеть на бояр поочередно.) Крылья мне подшибаете?» [53, с. 183]*

В данном фрагменте видно, что «дело» рассматривается и как военная кампания, и как вектор действий, направленных на усиление государства, процветание России – т.е. реализацию основной деятельности Петра. Важное место занимает в системе этих понятий и «море», считающееся ключом к успешному завершению дела. Однако «море» обладает и другим смыслом: в контексте ЛСГ частотно сочетание с сильным глаголом «любить» в личных формах. «Море» оказывается стимулом, который личность ориентирует не только на деятельность внешнюю, но и связывает со значимыми внутренними процессами, с понятиями покоя, комфорта, удовольствия и т.п.

Рассмотрим, как формируется эта стимульная значимость на протяжении романа, как реализуется в коммуникации и как включается в ключевое

понятие «дела». Для начала отметим общую динамику: «море» оформляется как актуальный стимул в первой части романа, активно связываясь с понятиями как военной, так и познавательно-учебной деятельности (строить корабли, воевать моря, строить флот и т.п.), во второй части отходит на задний план (актуальность падает), в третьей части вновь актуализируется, но уже не как средство-цель, а как позитивный фактор действительности (парадиз, спокойствие).

Мы наблюдаем следующие лексемы в ближней периферии стимула (обратим внимание на отличие стимульной группы от общей лексико-семантической: данная группа становится стимульной тематически и контекстуально, единицы, входящие в нее, определяются личностным отношением, особенностями восприятия и наличием конкретного опыта у персонажа; некоторые из них функционируют по принципу дихотомии и контрастивности, некоторые представляют собой атрибутивность признака, выражаемую через понятие).

Таблица 4

единицы	единицы	Ближняя периферия	единицы	единицы
корабли	Мечта	воевать/война	Балтийское	способны/уметь
моряки	Детство	наше/свое	Черное	торговля
верфи	рай/парадиз	Люблю	Азовское	нужно
объекты	Формирование личности	ключевые понятия, наиболее частотные в БП	имена собственные	возможности

Мы выделили пять ключевых групп, приращенных к ядру стимула в соответствии с деятельностной реализацией личности и акцентированием восприятия действительности. Важно отметить также, что «море» во временной ориентации соответствует области «будущего» (что видно и по включению в ближнюю периферию понятий сферы возможностей, т.к.

понятие возможности как таковой ориентировано на будущее). Формирование обширной тематико-понятийной сетки определено и тем, что «море» фигурирует в сознании персонажа с детства, становится сферой личного интереса не случайно, а в процессе общего формирования личности: с этим связано включение лексем «детство», «мечта» (ср., например: *«Иноземцы рассказывали про былые плавания, бури и морские битвы. Памбург, расставив ноги, шевеля усами, кричал по-португальски, будто и в самом деле на пиратском корабле. Петр нил эти речи глазами и ушами. Откуда бы ему, сухопутному, так любить море? Но он по ночам, лежа на полатах рядом с Алексашкой, во сне видел волны, тучи над водным простором, призраки проносящихся кораблей»* [53, с. 121]; или: *«Петр очарованно глядел на пелену Азовского моря, на стены, на искры полумесяцев на минаретах, на корабли, на пышный свет заката. Казалось, – ожили любимые в детстве картинки, в яви вот она – неведомая земля!»* [53, с. 244]; или: *«Петр любил в Лефорте свои сладкие думы о заморских землях, прекрасных городах и гаванях с кораблями и отважными капитанами, пропахшими табаком и ромом, – все, что с детства мерещилось ему на картинках и печатных листах, привозимых из-за границы»* [53, с. 171]). Также «море» ассоциативно совпадает с пониманием «рая» и «свободы» (где по понятию «свободы» становится элементом представления об образе жизни, противопоставленном старому московскому; «море» – элемент европейского уклада, европейского способа ведения торговли и войны, как можно увидеть из цитат выше): *«– Парадиз! – сказал. – Ей-ей, Данилыч, парадиз, земной рай... Морем пахнет...»* [53, с. 588] (сцена приезда в строящийся Петербург).

Исходя из того, что стимул имеет, прежде всего, мотивационную функцию и становится фактором, направляющим коммуникацию, отметим следующее: в случае с «морем» персонаж формирует свою фактическую деятельность (завоевать море, расширить торговые пути, построить флот, в том числе собственными руками, развивать ремесла и торговлю, расширить

сферы влияния России и т.п.; для успешности этих целей море выступает как необходимый элемент), а в связи с этой фактической деятельностью – оформляет деятельность речевую, вступая в коммуникацию и реализуя себя в коммуникативной ситуации. Существует, в нашем случае, общая специфика характеристик коммуникативных ситуаций, в которых выступает персонаж:

1. Социальный статус адресанта – Петра Алексеевича. Большинство адресатов по социальному положению находятся ниже; исключения – курфюрст, курфюрстина и т.п.

2. Эмоциональность адресанта: влияет на условия общения, на восприятие речи адресатом, на активное использование невербальных средств. Важно отметить, что сильные эмоции вызывают у него разрушение речевого комплекса, активную роль начинают играть невербальные знаки и действия. Порой речевой акт как таковой вовсе распадается, оставляя лишь невербальные элементы. Отсюда проистекает и частая лакунарность речи, обилие пауз, отрывочность реплик, графически обозначенные многоточиями. Например: *«Становилось шумнее. Вдруг, **высоко вскрикнув петушиным горлом, Петр вскочил, бешено перегнулся через стол** к Шеину:*

– Вор, вор!

*Отшвырнув стул, выбежал. [...] И снова – замешательство: дыша ноздрями, вернулся Петр, зрачки его нашли Шеина, – **выхватил шпагу и с размаху рубанул** ею по столу перед лицом отшатнувшегося генералиссимуса. Полетели осколки стекол. Подскочил Лефорт. Петр **ударил его локтем** в лицо и второй раз **промахнулся шпагой** по Шеину.*

– Весь твой полк, тебя, всех твоих полковников изрублю, вор, бл...ий сын, дурак...» [53, с. 301-302]

Или: *«– Отдай... (Все услышали, – сказал кто-то **невнятно и глухо.**) Отдай... (Уж **громче, ненавистнее.**) – И, когда стали глядеть на Петра, поняли, что – он... **Лицо – багровое, взором крутит**, как филин, **схватился** за витой золотой столбик шатра, и шатер ходил ходуном...*

Но Софья лишь чуть приостановилась, не оборачиваясь, не тревожась. На весь собор, отрывисто, по-подлому, Петр проговорил:

– Иван не идет, я пойду... Ты иди к себе... Отдай икону... Это – не женское дело... Я не позволю...» [53, с. 132-133]

Также сторонняя характеристика: *«Петр гневно закричал петушиным голосом. Наталья Кирилловна с содроганием увидела Петенькины бешеные, круглые глаза. Он вскарабкался на верх крепостцы и, сердясь, ударил несколько раз мушкетиком одного из потешных мужиков, втянувшего голову в плечи.*

– Не по его – так и убьет, – проговорила Наталья Кирилловна, – в кого только нрав у него горячий?

Игра пошла сызнова. Выстраивая долговязых парней с топориками, Петр опять рассердился, что его плохо понимают. Это была беда: горячась, он начинал говорить неразборчиво, захлебывался торопливостью, точно хотел сказать много больше того, чем было слов на языке» [53, с. 57].

Как мы видим, речи персонажа свойственна парцелляция, отрывочность, преобладание номинативных простых предложений либо определенно-личных с глаголами в форме повелительного наклонения, что вызвано высокой интенсивностью эмоциональных реакций.

Эти два свойства характерны для абсолютно всего корпуса речевых произведений и отмечаются собеседниками персонажа, что, в свою очередь, играет роль в восприятии образа говорящего – рассматриваемой языковой личности, а следовательно, влияет на возможности реализации интенций, считывания собеседником имплицитных смыслов и на фактические действия адресата.

«Море» мотивирует персонажа к выбору собеседников, которые либо статусно, либо в области освоенных и необходимых навыков находятся выше говорящего. Так, стимульно мотивированной нам представляется коммуникация в сценах в Архангельске, куда Петр и его двор прибывают для

закладки русского флота: здесь реализуется и группа возможностей, заложенная в стимул (умения и навыки по строительству судов, заключение торговых договоров с иностранными купцами, заключение договоров с иностранными мастерами), и группа объектов (верфи, корабли) и т.п. В качестве собеседников выступают иностранные купцы, офицеры флота, послы; проблемность ситуации побуждает к диалогу с близким другом и советником Лефортом. Интересны и выбираемые стратегии коммуникации, а также их обоснование самим персонажем: *«Петр азиатской хитростью почувствовал, каким он должен появиться перед этими людьми, чем, единственным, взять верх над ними... Их нужно было удивить, чтобы такого они сроду не видавали, чтобы рассказывали дома про небывалого царя, которому плевать на то, что – царь... Бояре – пусть надуваются, – это даже и лучше, а он – Петр Алексеев, подкипер переяславского флота, так и поведет себя: мы, мол, люди рабочие, бедны да умны, пришли к вам с поклоном от нашего убожества, – пожалуйста, научите, как топор держать...»*

Он велел грести прямо к берегу. *Первым выскочил в воду по колена, влез на стенку, обнял Ван Лейдена и Пельтенбурга, остальным крепко жал руки, трепал по спинам. Путая немецкие и голландские слова, рассказывал про плаванье, со смехом указывал на карбасы, где еще стояли истуканами бояре... “У вас, чай, таких лодчонок и во сне не видали”. Чрезмерно восхищался многопушечными кораблями, притоптывал, хлопал себя по худым ляжкам: “Ах, нам бы хоть парочку таких!..” Тут же ввернул, что немедля закладывает в Архангельске верфь: “Сам буду плотничать, бояр моих заставлю гвозди вбивать...”»* [53, с. 207-208]. Мы видим здесь мотивацию и для вступления в диалог, и внутреннюю мотивацию коммуникативного поведения, включая невербальные средства: сформулировав цель, персонаж выбирает способы коммуникативной саморепрезентации для максимально эффективного достижения поставленной цели. В основе же постановки этой цели лежит стимульный

элемент, мотивирующий тему коммуникации и, в соответствии с поставленной целью, выбор синтаксических моделей с акцентом на субъект действия, объект действия, использование ирреальной модальности, условного наклонения и т.п.

Иначе, при той же мотивационной базе, строится коммуникация с Лефортом. Если в предыдущем цитируемом отрывке мы имеем два типа адресатов: а) прямой адресат – иностранцы, де-факто находящиеся выше по статусу (это определенное нами «де-факто» принадлежит сознанию рассматриваемой личности), незнакомые, представители иной культуры; б) бояре, прибывшие совместно с Петром – косвенный адресат, для которого поведение персонажа является декларацией намерений личности, – то в диалоге с Лефортом собеседник обладает иными характеристиками: де-юре находясь по статусу ниже, самим Петром он определяется как друг и равный, а в чем-то даже более высокий (что мотивирует апеллировать к коммуникативной стратегии совета, где совет является запросом у адресата); в то же время Лефорт так же, как и адресаты в предыдущей сцене, является представителем чужой культуры и носителем иных ценностных ориентиров и установок. Повторимся, что «море» в сознании Петра принадлежит иностранцам более, чем представителям России; таким образом, с точки зрения Петра, для Лефорта море и связанная с ним деятельность – объект более известный, доступный, понятный.

«Петр стремительно отворил дверцу в соседнюю каморку:

*– Франц! (Лефорт соскочил с лавки, тараща припухшие глаза.) Спишь?
Иди-ка...*

Лефорт в одной сорочке присел к Петру на постель.

– Тебе плохо, Петер? Ты бы, может, поплевал...

*– Нет, не то... Франц, **хочу купить два корабля** в Голландии...*

– Что же, это хорошо.

*– Да еще тут **построим... Самим товары возить...***

– Весьма хорошо.

– А еще что мне посоветуешь?

Лефорт изумленно взглянул ему в глаза и, как всегда, легче, чем сам он, разобрался в путанице его торопливых мыслей. Улыбнулся:

– Подожди, штаны надену, принесу трубки... – Из каморки, одеваясь, он сказал странным голосом: – Я давно этого ждал, Петер... Ты в возрасте больших дел...

– Каких? – крикнул Петр.

*– Герои римские, с коих и поныне берем пример... (Он вернулся, расправляя завитки парика. **Петр следил за ним дышащими зрачками.**) Герои полагали славу свою в **войне**...*

*– С кем? Опять в **Крым** лезть?*

*– **Без Черного с Азовским морем** тебе не быть, Петер... Давеча Пельтенбург на ухо меня спрашивал, неужто русские все еще дань платят крымскому хану... (**Зрачки Петра метнулись, остановились, как булавки, на любезном друге.**) И не быть тебе, Петер, без **Балтийского моря**... Не сам – голландцы заставят... **В десять раз**, они говорят, против прежнего **стали бы вывозить товару**, учини ты гавани в Балтийском море...*

– Со шведами воевать? С ума сошел... Смеешься, что ли? Никто в свете их одолеть не может, а ты...

*– Так ведь не завтра же, Петер... Ты спросил меня, отвечаю: **замахивайся на большее, а по малому – только кулак отшибешь...**» [53, с. 209]*

Как можно заметить, здесь применяются иные тактики: обилие вопросительных конструкций, риторические высказывания, однако так же, как и в первом случае, присутствует нереальная модальность и условное наклонение. Это обусловлено, на наш взгляд, общей тематической ориентированностью на возможности, которые, с свою очередь, принадлежат гипотетическому будущему и предполагаемому, а не фактическому развитию событий. Важное место по-прежнему отводится невербальным средствам, и на примере всех процитированных выше отрывков мы можем заметить, что

ключевыми центрами в этом плане становятся глаза Петра, а также его ноздри и руки. На протяжении всего текста именно эти элементы получают наибольшее количество экспрессивных характеристик и служат для выражения состояний, интенций и эмоций персонажа.

О мотивирующем компоненте в составе «моря» говорит и следующий отрывок, напрямую связанный с целеполаганием в представлении рассматриваемой личности: *«Зимой будем строить большой флот в Воронеже, – сказал Петр, поднимая покрасневшие глаза. – Завтра нужно взять Азов, Петр Иванович. (Указал чубуком на небольшой залив на западе от устья Дона.) Гляди... Здесь поставим вторую крепость. За зиму турки не просунутся в Азовское море, а весной мы приплываем сюда с большим флотом... Гляди, – в проливе под Керчью ставим крепость – и все море наше... Строим морские корабли, и – в Черное море. (Чубук летал по карте.) Здесь уж мы на просторе. Крым будем воевать с моря. Крым – наш. Остается – Босфор и Дарданеллы. Войной ли, миром – пробьемся в Средиземное море. Шелком, пшеницей завалим... Гляди – какие страны: Венеция, Рим... А вот – гляди, – Москва, – водяным путем повезем товары до Царицына, а здесь, где мы шли до Панишина через волок, пророем канал в Дон... Прямоком – Москва – Рим. А? Тогда будем купцы... Петр Иванович, возьмем Азов?»* [53, с. 251-252]

Таким образом, все, связанное с морем, представляется залогом некоего успеха деятельности, достижения поставленных целей, а также служит мотивацией для формирования этих целей. Однако неверно будет сказать, что эта мотивация свойственна «морю» самому по себе: она проявляется в результате наличия личного отношения (вспомним употребление форм глагола «любить»), а также общей деятельностной ориентации личности. «Море» – сфера, средство и в какой-то мере форма деятельности, и именно на этом инструментальном уровне оно включается в метастимульную организацию «дела». Можно сказать, что контекстуально «море», «война» и «дело» приравниваются друг к другу на уровне сознания рассматриваемой

языковой личности. На этом же основании соотносятся, вступая во взаимосвязь, периферические компоненты стимульных структур.

Как мы уже говорили выше, в структуре языковой личности активно присутствуют проявления антитезы – как в рамках одного понятия, так и в более глобальном понимании. Внутренний конфликт – одна из ключевых черт рассматриваемого персонажа: в первой и второй частях романа он особенно актуален, так как происходит активное становление личности и ее попытки самореализации в различных сферах. Причинами этого конфликта служат как внешние, так и внутренние факторы: в частности, высокий статус и сопряженные с ним обязанности вовсе не лежат изначально в сфере личных интересов. Ср.: *«Брошу вас всех к черту, убегу в Голландию, лучше я часовым мастером стану...»* [53, с. 93], *«Враг невидим, неохватим, враг – повсюду, враг – в нем самом...»* [53, с. 208]. Принадлежит к области внутреннего конфликта и высокая интенсивность переживаемых персонажем эмоций: проблема самоконтроля также становится источником конфликта. Происходит и вышеописанный перенос противопоставления московского уклада жизни и иноземного: *«Было страшно, но уже гневный холодок подступил к сердцу. Вспомнил – недавние разговоры у Лефорта, полные достоинства умные лица иностранцев... Вежливое презрение... “Россия слишком долго была азиатской страной, – говорил Сидней (на следующий день), – у вас боятся европейцев, но для вас нет опаснее врагов, чем вы сами...” Вспомнил, как было стыдно слушать... (Велел тогда подарить Сиднею соболью шубу, и – чтобы к Лефорту более не ходил, ехал бы в Архангельск.) А что сказал бы англичанин, слушая эти речи? Скрыть кирки и костелы в слободе? Вспомнил – летом в раскрытые окна доносилось дребезжание колокола на немецкой кирке... В этом раннем звоне – честность и порядок, запах опрятных домиков на Кукуе, кружевная занавеска на окне Анны Монс... Ты и ее тоже бы сжег, живой мертвец, черный ворон! Кучи пепла оставил бы на Кукуе! (Теперь уже Петр жег глазами патриарха.) Но сильнее гнева (не Лефоровы ли уроки?) – поднялись*

упорство и хитрость. Ладно, – бояре-правители, – бородачи! Накричать на них было недолго, – повалятся на ковер мордами, расплчется матушка, уткнется патриарх носом в колени, а сделают все-таки по-своему, да еще и с деньгами поприжмут...» [53, с. 182-183]; «И вот – ночь без сна... Удивительное он удивил, а что ж из того? Какой была, – сонной, нищей, непроворотной, – такой и лежит Россия. Какой там стыд! Стыд у богатых, у сильных... А тут непонятно, какими силами растолкать людей, продрать им глаза... Люди вы или за тысячу лет, истеча слезами, кровью, отчаявшись в правде и счастье, – подгнили, как дерево, склонившееся на мхи? Черт привел родиться царем в такой стране!» [53, с. 208]

Русские люди представляются как принадлежащие старине, невыгодным, пассивным действиям. Отсюда проистекает активная реформационная деятельность, причем ориентированная на то, что видел сам Петр: придворный этикет, обучение ремеслам и искусствам молодых людей, развитие торговли и военного дела – т.е. не абстрактная реформа вообще, а изменения по примеру увиденного лично (от детских впечатлений первой встречи с немцами на Кукуе до поездок за границу).

Интересно, что присутствует и другое противопоставление, более частное, проходящее по сфере ЛСГ «город»: в этом плане Москва противопоставляется и зарубежным странам, и Преображенскому, и Кукуе (несмотря на то, что Кукуй является частью Москвы); в дальнейшем присутствует противопоставление Москвы и России – России реформированной, будущей, ставшей целью. Такое противопоставление, резкий негативный образ Москвы, основано и на ярких детских впечатлениях от бунта стрельцов, и на борьбе с царевной Софьей, когда Москва стала символом угрозы, расправы, и на нежелании правящей верхушки следовать за предлагаемыми изменениями, в то время как на эти изменения тратятся значительные усилия – и внешние, и внутренние ресурсы. Поэтому после пожара в Москве происходит следующий диалог: «– Гиблое место, – сказал

он внятно. – За границей города стоят по тысяче лет, а этот не помню – когда он и не горел... Москва!

[...]

– Артемич, – сказал, – надо новый город ставить...

– Поставят, Петр Алексеевич, – через год опять обрастут.

– Не здесь...

– А где, Петр Алексеевич? Здесь место насиженное, стародавнее, – Москва. [...]

– Не здесь, – повторил Петр, глядя в окошко. – На Ладоге надо ставить город, на Неве... Туда гони лесорубов...» [53, с. 555-556]

Новый город, «Питербурх», становится символом, соединяющим в себе воинскую удачу (для его основания потребовались успехи в военных кампаниях против шведов), противопоставление Москве, море со всеми его позитивными включениями, новый образ жизни и образ человека новой России – противопоставляясь всему «старому», «гиблему», «мертвому». Он тоже является «делом», и целью, и результатом деятельности. Ср.: *«Желанное, возлюбленное здесь было место. Хорошо, конечно, на Азовском море, белесом и теплом, добытом с великими трудами, хорошо на Белом море, колышущем студёные волны под нависшим туманом, но не равняться им с морем Балтийским – широкой дорогой к дивным городам, к богатым странам. Здесь и сердце бьётся по-особенному, и у мыслей распахиваются крылья, и сил прибывает вдвое» [53, с. 592].*

Таким образом, мы видим, что основным вектором, определяющим деятельность языковой личности, является понятие «дела», включающее в себя круг действий и понятий, являющихся мотивационными факторами для речевой и фактической деятельности. В соответствии с поставленными целями происходит наполнение коммуникационных структур лексическими единицами, реализация коммуникативных стратегий и тактик, выбор адресата и реализация намеченных интенций. Мы рассмотрели понятия, входящие в когнитивный уровень языковой личности, выявив наиболее

значимые, центральные компоненты и определив их через понятие лингвокогнитивного стимула. С точки зрения средств лингвопрагматической организации, можно выделить активное использование невербальных средств, стратификацию синтаксических моделей в зависимости от параметров коммуникативной ситуации, активное употребление побудительных средств в отношении адресата и пр. Важную роль играет категория дихотомии, свойственная сознанию рассматриваемой языковой личности. Языковая личность выступает активным деятелем, при этом деятельность становится в приоритетном порядке выше коммуникации: таким образом, мы наблюдаем частичную парцелляцию структур при активном эмоциональном включении.

2.3 Анализ прагматикона языковой личности

При анализе прагматикона языковой личности мы сталкиваемся с понятиями коммуникативных стратегий и тактик, рассмотрением импликаций и экспликаций в структуре речевого акта, интенциями говорящего и реакциями слушающего, фреймами, спецификациями по примеру максим П. Грайса, сочетанием диктума и модуса в структуре высказывания и иными вопросами, находящимися в ведении прагматики и касающихся непосредственно коммуникативной ситуации. Эти вопросы лежат несколько за пределами привычного инструментария: лексемы, синтаксические конструкции, идейно-образные элементы (такие как фразеологизмы, метафоры, метонимии и пр.), даже крупные когнитивные единицы вроде концептов к элементам прагматического уровня имеют косвенное отношение. Таким образом, для описания прагматикона необходимо предварительное подробное рассмотрение единиц лексикона и тезауруса, четкое представление о реализации и связи одних с другими, понимание мотиваций личности и ее целей, представление о ее восприятии – иначе анализ прагматикона превращается в анализ синтаксических

конструкций или лексико-семантических структур, что не является нашей целью на данном этапе.

Как мы уже оговаривали выше, существуют некие общие замечания, касающиеся параметров любой коммуникативной ситуации для рассматриваемого нами персонажа. В частности, его эмоциональность, которая влечет за собой парцелляцию, разрушение цельного комплекса высказывания и активное использование невербальных средств. Также важен его социальный статус, поскольку он определяет два основных типа высказываний в его коммуникативном комплексе: это высказывания-приказы и информационно ориентированные вопросы. Среди высказываний-приказов можно выделить высказывания-просьбы, которые, однако, не подлежат ситуативно оспариванию или невыполнению; таким образом, формально высказанная просьба (с использованием особенностей стратегии просьбы) по факту является также приказом. Ср.: *«Тогда царь сказал: “Иоганн, не зови меня ваше помазанное величество, мне это надоело дома, но зови меня, как будто я твой друг”»* [53, с. 72]. Контекстуально высказывание определяется как просьба, но по причине подчеркнутого говорящим социального статуса собеседника – «царь» – не подлежит невыполнению, что равняет ее с приказом, несмотря на наличие пояснительного компонента (что нехарактерно для приказа), апелляцию к общению вне статусных ролей («как будто я твой друг») и общую интонационную мягкость.

Или: *«Петр опять укусил изорванный платочек.*

– В слободу съездим? Никто чтоб не узнал... На часок... А?

– Не проси, мин херц, сейчас и не думай об Монсихе...

Петр вытянул шею, раздул ноздри, бледнея.

– Волю взял со мной говорить! (Схватил Алексаику за грудь, – отлетели пуговицы...) Осмелел? – Соннув, тряхнул еще, но отпустил, и – спокойнее: – Принеси шубу поплотнее... Выйду в огород, туда подашь сани...» [53, с. 110]

В данном отрывке мы видим буквальное выражение приказа – при том, что первая реплика Петра является даже не просьбой, а неуверенным

предложением, вопросом, попыткой посоветоваться. Осознание самим персонажем того, что каждое его слово является приказом и не представляет возможности для возражений, привычка к исполнению просьб-приказов приводят к сильной эмоциональной реакции персонажа, включающей прямую агрессию по отношению к собеседнику. Таким образом, мы наблюдаем смену дискурсивных тактик, направленную на достижение общей цели коммуникации.

Заметим, отступая, что в качестве фоновой информации в этом диалоге присутствует близящееся венчание Петра, что и вызывает категорический отказ в его просьбе собеседником; также – сильная эмоциональная привязанность к Анхен Монс и отсутствие какого-либо интереса к будущей жене; необходимость смириться с московским образом жизни, включающим свадебные обряды и т.п. С учетом вышеизложенных замечаний, общая стратегия поведения персонажа направлена скорее на избегание некомфортной ситуации, нежели на реализацию фактического действия – поездки. Это избегание определяется мотивационно значимой дихотомией, оговоренной в предыдущем параграфе, возрастом персонажа (действие происходит в первой части романа) и, как уже было сказано, его статусом (при котором подчинение чужой воле представляется ему недопустимым).

Что касается второго типа наиболее распространенных высказываний – это вопросы, направленные на информационную сторону коммуникации. Персонаж стремится обладать наибольшим количеством информации, что определяет преобладание вопросительных конструкций по структурным типам «местоположение объекта», «состояние объекта», «состояние действия» (завершенность/незавершенность), «цель действия», «предназначение объекта», «способ действия» и т.п. Например: «*Что еще? Суда не готовы?*» [53, с. 241], «*А где Анна? Справлялся? Здорова?*» [53, с. 302], «*Чего, пьяный, что ли?*» [53, с. 353], «*Сколь велико войско?*» [53, с. 387], «*Письмо? Что пишет Книперкрон?*» [53, с. 448] и т.д. Подобные вопросы характеризуются четкостью, лаконичностью, отсутствием

невербальных средств и эмоционально окрашенных элементов – в противовес риторическим вопросам и иным вопросительным конструкциям, включая вопросы, связанные с оценкой действий, состояний и объектов, а также оценку мыслительных процессов и поведения. Например: «*Петр сидел, гневно вытянувшись. Генералы стояли.*

– Ну? – он спросил. – Что скажете, господа генералы? (Лефорт незаметно пожал Гордону локоть. Головин безнадежно махнул кистями рук.) **Осрамились** вконец? Что ж – осаду снимать?

Они молчали. *Петр стучал ногами, щека подергивалась*» [53, с. 253].

Мы наблюдаем акцентирование невербальных средств и лексему с ярко выраженным маркером негативной оценки («осрамились») в составе вопросительной конструкции.

Отметим, что высказывания общей негативной оценочной направленности в целом характерны для речи персонажа. Например: «*В зеркале дикие глаза Петра потемнели. Лефорт, обернувшись, приказал людям выйти...*

– Франц... Жало не вырвано!.. Сегодня бояр брил, – **вся внутренность во мне кипела...** Помысли о сей **кровожаждающей саранче!**.. Знают, все знают, – молчат, затаились... Не простой был бунт, не к стрельчихам шли... Здесь **страшные дела** готовились... **Гангреной** все **государство поражено...** **Гниющие члены** железом надо отсечь... А бояр, бородачей, **всех связать кровавой порукой...** Семя Милославского! Франц, сегодня ж послать указы: из тюрем, монастырей везти стрельцов в Преображенское...» [53, с. 300 – 301]

Или: «*Петр засмеялся (невесело, баском, кругло раскрыв рот).* Близстоящие также посмеялись вежливо. Он, оборвав смех, – **строго:**

– *Двести лет торгуете, – не научились... Возле богатства ходите... Опять все то же убожество, нагота. Копейку наторговал и – в кабак. Так, что ли?*

– *Не все так, государь, – проговорил Момонов.*

– Нет, так! (*Раздувая ноздри.*) За границу поезжайте, поглядите на тех купцов, – короли! Нам ждать недосуг, куда сами научитесь... *Иную свинью силой надо в корыто мордой совать...* Почему мне иностранцы жить не дают? Отдай им то на откуп, отдай другое... Лес, руды, промыслы... Почему свои не могут? В Воронеж, *черт-те откуда*, один человек приехал, такие развел *тарара*, такие *прожескты*! У вас, говорит, золотой край, только люди вы бедные... Отчего сие? Я смолчал... Спрашиваю, – или не те люди живут в нашем краю? (*Оглянул купцов вылезшими глазами.*) Бог других не дал. С этими надо справляться, так, что ли? *Мне русские люди иногда – поперек горла... Так уж поперек.* (*Ухо у него натянулось, шейная жила вот-вот дернется.*)» [53, с. 339 – 340]

Подобная речевая организация связана, на наш взгляд, с ключевыми деятельностьюными установками личности: реформационная деятельность Петра, как мы уже отмечали, конкретна и основывается не на умозаключениях и гипотезах, а на явлениях действительности; отсюда, как следствие, проистекает осуждение существующей действительности и положительная оценка европейского образа жизни, понятий, связанных с просвещением и т.п. Такие маркеры положительной оценки мы видим в следующем примере: «– Иван, – сказал Петр Алексеевич, – приведи сына.

Артамошка был уж тут, за печью. Петр Алексеевич поставил его между колен, оглядел пытливо.

– Что ж ты, Иван, такого молодца от меня прячешь? Я бьюсь бесчеловечно, а они – вот они... (*И – Артамону.*) Грамоте разумеешь?

Артамошка только чуть побледнел и по-французски без запинки, как горохом, отсыпал:

– Разумею по-французски и по-немецки, пишу и читаю способно... (*Петр Алексеевич рот разинул: «Мать честная! Ну-ка еще!»*) – Артамошка ему то же самое по-немецки. На свечу прищурился и – по-голландски, но уже с запинкой.

Петр Алексеевич стал его целовать, хлопал ладонью, и пхал, и тащил на себя, и тряс.

– Ну, скажите! Ах, молодчина! Ах, ах! Ну, спасибо, Иван, за подарок. С мальчишкой простись, брат, теперь. Но не пожалеете: погодите, скоро за ум графами стану жаловать...» [53, с. 409].

Как можно заключить, коммуникативная стратегия в случае с негативной оценкой – не осуждение и не обвинение, несмотря на наличие формальных признаков (маркеры оценки, наличие обвиняющих компонентов и т.п.); и осуждение, и обвинение представлены в данном случае как дискурсивные тактики. Общая коммуникативная цель высказывания – мотивация собеседников к изменениям, воздействие на слушателя с целью влияния на его мнение и образ жизни. Такой вывод позволяет нам сделать наличие фрагментов с ярко выраженной положительной оценкой, т.к. подобные высказывания и реакции персонажа всегда мотивированы наличием явлений из представленной в его сознании положительной, реформированной действительности (например: образованный молодой человек, соблюдение этикета, успехи в торговле, успехи в военных кампаниях и т.д.).

Как можно заметить, спектр невербальных средств коммуникации персонажа достаточно обширен и позволяет ему реализовывать эмоциональные реакции. Разнообразные невербальные средства включают в себя жесты, в их числе – многообразные силовые воздействия (сжатие кулака, удары кулаком или ладонью, пинки, также агрессия с использованием оружия (см. приведенный пример в предыдущем параграфе со с. 301 – 302), иные деструктивно направленные на объекты действия), мимические реакции (раздувшиеся ноздри, выпученные глаза, сжатый рот, побледневшее лицо, покрасневшее лицо, общая напряженность мимики лица и тела), взаимодействия с предметами в руках (как сигнал системы невербальной коммуникации, например, укус платка в приведенном выше примере и т.д.). Как мы уже упоминали, основными центрами внимания в невербальной коммуникации становятся глаза персонажа, его ноздри и руки;

стоит также заметить, что чаще всего эмоции, выражаемые посредством невербальных средств, являются оценочно негативными: это гнев, недовольство, страх, злость, смущение, стыд и пр.

К особой форме невербальной коммуникации можно отнести использование одежды. Противопоставление московского и европейского образа жизни также влечет за собой противопоставление костюмов. Одежда служит и средством самовыражения, и средством достижения целей – применяется как своего рода дискурсивная невербальная тактика. Например: *«Петра нашли в лодке – он спал, завернув голову в кафтанец. Лев Кириллович отослал всех от лодки и дожидался, когда племянник изволит прийти в себя. Петр сладко похрапывал. Из широких голландских штанов торчали его голые, в башмаках набосо, тощие ноги. Раз два потер ими, во сне отбиваясь от мух»* [53, с. 109]; или: *«Вглядываясь, Петр вскочил, закричал:*

– Гаррит Кист, кузнец, это ты?

Человек вытащил удочку и тогда только взглянул, и, видимо, хотя и был хладнокровен, но удивился: в подъезжавшей лодке стоял юноша, одетый голландским рабочим, – в лакированной шляпе, красной куртке, холизовых штанах... Но другого такого лица он не знал – властное, открытое, с безумными глазами...» [53, с. 280].

Ср.: *«Наталья Кирилловна сморщилась, глядя на дверь, но, слава богу, Петр был в русском платье, еще за дверью сдержал смех и вступил весьма достойно... “Ноги журавлиные, трудно ему, голубчику, чинно-то”, – подумала царица, просияв приветом. Он подошел под благословение патриарха, спросил про здоровье больного брата...*

Ему спешно нужны были деньги, поэтому и приехал послушно по письму матери слушать Иоакима» [53, с. 180].

И: *«По четырем стенам на лавках сидели бояре, дворяне московские, гости и торговые люди из лучших. Все были в простой суконной одежде, многие – в иноземном платье. В дальнем конце сводчатой – коробом – палаты, расписанной по стенам и потолку рыцарями, зверями и птицами, на*

тронном стуле из рыбьего зуба и серебра сидел, как идол, неподвижно выпучив глаза, Петр, без шляпы и парика, в рысьем кафтане серого сукна» [53, с. 399-400].

Во всех приведенных примерах одежда персонажа отражает его фактическую цель и служит цели коммуникации. В первых двух целью является освоение ремесел, для чего, с позиции Петра, нужно поставить себя в роль обычного рабочего или солдата; отсюда и его простой костюм, босые ноги и т.п. (такой образ встречается в романе очень часто). В третьем отрывке мы видим персонажа в русском платье – и, как отмечено, его поведение продиктовано тем, что ему «спешно нужны были деньги», т.е. это в буквальном смысле форма дискурсивной тактики. В четвертом отрывке царский двор предстает перед иностранными послами, отсюда и выбранная форма репрезентации – с целью произвести правильное впечатление и добиться в дальнейшем заключения необходимого договора.

Таким образом, можно заключить, что основные коммуникативные стратегии и тактики реализуются, в соответствии с общими мотивационными установками и спецификой фигуры персонажа, в повелительных, вопросительных и эмоционально-оценочных высказываниях. Особо мы отмечаем стратегии убеждения, реализуемые через тактики приказания, просьбы, осуждения, обвинения; отмечаем также широкий спектр маркеров негативной и позитивной оценки. Важное место занимают элементы невербальной коммуникации, позволяющие персонажу выразить эмоциональное состояние и являющиеся частью сигнальной системы коммуникации (которая с течением времени становится понятна ближнему кругу окружения). Присутствующая в сознании персонажа дихотомия находит свое выражение в коммуникативных структурах, реализации маркеров оценочности и тактиках вербальной и невербальной коммуникации.

Заключение

Проведя анализ теоретической научной литературы по вопросам разработки теории языковой личности, понятия коммуникативной ситуации, понятия коммуникативного поведения и его составляющих элементов, а также по вопросам художественного текста, языковой картины мира, особенностей восприятия действительности с точки зрения психологии и с точки зрения лингвистики, мы пришли к выводу, что языковая личность – это личность, реализованная в совокупности речевых действий и произведений, характеризуемая через способность к речевой деятельности и специфику реализации индивидуальных установок и представлений о действительности в процессе коммуникации. Языковой личности свойственна трехуровневая структурная организация, включающая в себя лексико-семантический уровень, или лексикон, лингвокогнитивный уровень, или тезаурус, и прагматический уровень, или прагматикон.

На уровне лексикона языковая личность обладает инструментарием лексических единиц, организуемых нами в лексико-семантические группы. На уровне тезауруса нам представлены ключевые когнитивно значимые структуры, определяемые личным опытом, спецификой языкового сознания и индивидуальной картиной мира языковой личности. На уровне прагматикона языковая личность реализует себя в коммуникативных стратегиях и тактиках, обладает спецификой коммуникативного поведения и базой невербальных знаков, помогающих достичь цель коммуникации.

Исходя из этих представлений, нами был произведен анализ образа Петра Первого как языковой личности на материале романа А.Н. Толстого «Петр Первый». Данный анализ возможен в силу специфики пространства художественного текста, представляющего собой особую художественную действительность, функционирующую согласно собственным законам, в рамках которой каждый персонаж реализуется как личность во всей полноте этого комплексного понятия и так же воспринимается другими персонажами

и читателем. Во время исследования текста романа нами предприняты следующие шаги: во-первых, была произведена выборка фрагментов текста общей суммой 635, включающих прямую речь персонажа, тексты писем, внутреннюю и несобственно прямую речь; во-вторых, был произведен машинный анализ элементов с позиции частотности употребления, следствием чего явились две таблицы, вынесенных нами в Приложение ввиду их значительного объема (4 962 элемента каждая), упорядоченные по частотности употребления элементов и по алфавиту; в-третьих, нами был произведен анализ частотности употребления словоформ с позиции частеречной принадлежности; в-четвертых, анализируемые элементы были отсортированы с принятием во внимание результатов анализа по частотности и распределены по лексико-семантическим группам, из которых нам представляются наиболее значимыми десять групп: «Бог», «Война», «Город», «Государство», «Дело», «Деньги», «Люди», «Море» а также специфическая группа модальности «Надо» и группа «Время», включающая представления о времени, репрезентированные в сознании языковой личности; также отдельно нами рассмотрена группа лексической я-репрезентации личности, включающая в себя самономинацию, употребление личных местоимений, притяжательных местоимений первого лица, глаголы в личной форме первого лица настоящего и будущего времени. Нами отмечена высокая степень стилистически маркированной оценочности в лексиконе языковой личности.

Анализ лексикона позволил нам определить вектор дальнейшего исследования и сформулировать основные представления о картине мира рассматриваемого персонажа. При исследовании тезауруса языковой личности мы обратили внимание на специфику мотивационных структур и на их реализацию в корпусе речевых произведений и действий языковой личности. Внимательно рассмотрев эти структуры, мы пришли к выводу, что для сознания языковой личности справедливо отметить наличие особых лингвокогнитивных единиц, обладающих уникальной семантизацией,

включающих в себя ключевой ядерный компонент и приращенную к нему группу индивидуально семантизированных понятий, а также, что наиболее важно, обладающих мотивационно-деятельностным компонентом. Мы определили данные единицы как лингвокогнитивные стимулы и рассмотрели уровень тезауруса языковой личности с позиции выделения данных стимулов и их организации в когнитивном пространстве языковой личности. Нами был рассмотрен метастимул «дело», включающий в себя комплекс понятий, в том числе стимул «море», обладающий четко выраженной позитивной маркированностью и мотивирующий фактическое и коммуникативное поведение языковой личности.

Специфика социального статуса Петра Первого и описываемый в рамках текста личный опыт определили следующие особенности: во-первых, поведение, как фактическое, так и коммуникативное, с акцентом на фактическую деятельность; во-вторых, стремление к изменениям и мотивации этих изменений в окружающем пространстве и сознании окружающих; в-третьих, сильную эмоциональность, оказывающую влияние на речевой комплекс; в-четвертых, понятие «дело» как ключевое понятие для системы восприятия личности. Эти особенности оказали влияние на выбор персонажем коммуникативных стратегий и дискурсивных тактик, определили его коммуникативное поведение, рассмотренное нами на уровне прагматикона языковой личности.

Основываясь на проведенном исследовании, мы делаем следующий вывод: в художественном пространстве текста романа А.Н. Толстого «Петр Первый» Петр Первый представлен как личность, ориентированная на активную деятельность, в том числе деятельность актуально реформационную, что находит выражение в совокупности и специфике комплекса речевых произведений. Рассматриваемой нами личности свойственна дихотомичность на уровне базовых категорий восприятия, что отражается в ее речи, большое значение имеет внутренний конфликт,

свойственный личности на протяжении большей части представленного нам отрезка времени.

Также нами была подтверждена гипотеза, согласно которой многоплановый анализ языковой личности позволяет выявить специфику и способы реализации целевых установок и комплекса мотиваций, задаваемых коммуникативным пространством общения.

Методы и результаты данного исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки вопросов коммуникативного поведения, описания языковой личности персонажа и рассмотрения человека «говорящего» в рамках современной лингвистической науки.

Список использованной литературы

1. Арискина О.Л., Дрянгина Е.А. Языковая и коммуникативная личность: различные подходы к исследованию. Вестник Челябинского государственного университета, 2011. №25 (240), вып. 58. С. 15-18.
2. Богин Г.И. Концепция языковой личности: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982. 31 с.
3. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М., Наука, 1980. 360 с.
4. Винокур Г.О. Об изучении языка литературных произведений // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. 492 с.
5. Гайнуллина Н.И. Языковая личность Петра Великого (Опыт диахронического описания). Алматы, Казахский университет, 2002. 126 с.
6. Гаспаров М.Л. Избранные труды. Т. II. О стихах. М., 1997. 504 с.
7. Грайс Г.П. Логика и речевое общение [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://kant.narod.ru/grice.htm> (Дата обращения 07.04.18)
8. Давлетова Т.А. Персонаж художественного произведения как языковая личность. // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. №2. С. 11-14.
9. Дементьев В.В. Коммуникативные ценности русской культуры: категории персональности в лексике и прагматике. М., Глобал Ком, 2013. 336 с.
10. Жумагулова Н.С. Модель языковой личности Г.И. Богина в ее отношении к современности. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://repository.enu.kz/bitstream/handle/123456789/4246/model'-yazykovoi-lichnosti.pdf> (Дата обращения: 10.04.2017)
11. Залевская А.А. Текст и его понимание. Текст. / А.А. Залевская. Тверь, Изд-во ТГУ, 2001. 177 с.

12. Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования. Вестник Томского государственного университета. 2010. №4 (12). С. 24-32.
13. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., URSS / УРСС; ЛКИ, 2008. 288 с.
14. Каптерев С.Е. Понятие «личность» и теории личности в работах русских исследователей первой половины XX века. Вестник Нижегородского университета, 2004. С. 210-230.
15. Карасик В.И. Языковая личность: аспекты изучения // II Междунар. науч. конф. «Язык и культура», Москва, 17–21 сентября 2003 г.: Тез. докл. М., 2003. С. 362-363.
16. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
17. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М., Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
18. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения /// Язык и личность. М., Наука, 1989. С. 3-8.
19. Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л. Русская языковая личность: интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: учеб. пособие. РУНД. М., 2008. 138 с.
20. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации: Учеб. пособие. Воронеж, Изд-во ВГТУ, 2000. 175 с.
21. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет. Фонохрестоматия. М., Наука, 1995. 128 с.
22. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., Гнозис, 2003. 375 с.
23. Красных В.В. Структура коммуникации в свете лингвокогнитивного подхода (коммуникативный акт, дискурс, текст): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 72 с.

24. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета. Русский язык в научном освещении. № 1. М., 2001. с. 90-106.
25. Кущева О.Ю. Антропоцентрическая парадигма в современной лингвистике. Вестник Адыгейского государственного университета, 2006. №4. С. 155-156.
26. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики [Текст] / А.А. Леонтьев. М., Смысл, 1999. 287 с.
27. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. 6-е изд. М., Красанд, 2010. 216 с.
28. Леорда С.В. Речевой портрет современного студента // Вестник Саратовскогогосагроуниверситета им. Н.И. Вавилова. 2006. No 6. С. 59-60.
29. Маслова В.А. Лингвокультурология: уч. пособие для студ. высш.уч. зав. 4-е изд., стер. М., Издательский центр «Академия», 2010. 208 с.
30. Маслова В.А. Современные направления в лингвистике: учеб. пособие для студ. Высш. уч. заведений / В.А. Маслова. М., Издат. Центр «Академия», 2007. 272 с.
31. Матвеева Г.Г. Скрытые грамматические значения и идентификация социального лица («портрета») говорящего. – дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1993. 332 с.
32. Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М., Прогресс-Традиция, 2009. 320 с.
33. Паткуль А.Б. Понятие экзистенции в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2014. №1. С. 37-42.
34. Пенцова М.М. Проблема культурного кода в семиотике Ю. М. Лотмана // Вестник МГИМО. 2013. №3 (30). С. 226-228
35. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2002. 60 с.

36. Потапова Р.К., Потапов В.В. Речевая коммуникация: От звука к высказыванию. М., Языки славянских культур, 2012. 464 с.
37. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., Искусство, 1976. 613 с.
38. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс: учеб. пособие. 3-е изд. М., Флинта: Наука. 2009. 224 с.
39. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. Изд. 2, испр. и доп. М., Флинта: Наука, 2006. 238 с.
40. Психология личности в трудах отечественных психологов. Хрестоматия. 2-е изд., исправл. и доп. / Составитель Л.В. Куликов. СПб, Питер, 2009. 464 с.
41. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. М., Наука, 1988. 216 с.
42. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты. Саратов, Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 180 с.
43. Серебрякова А.Ю. О компонентах коммуникативной ситуации. // Вестник ЮУрГУ. Серия: Лингвистика. 2009. №25 (158). с. 30-32.
44. Слотина Т.В. Психология личности. Учебное пособие. Стандарт третьего поколения. СПб, Питер, 2017. 448 с.: ил. (Серия «Учебное пособие»).
45. Стернин И.А. Анализ коммуникативных ситуаций. Учебно-методическое пособие. 2-е изд., испр. и доп. Воронеж: Истоки, 2013. 50 с.
46. Стернин И.А. К разработке модели контрастивного описания национального коммуникативного поведения. // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения. Волгоград, 2003. с. 5-6.
47. Стернин И.А. Коммуникативное и языковое сознание // Язык и национальное сознание. Вып. 4. Воронеж, 2005. с. 156-171.

48. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж, «Гарант», 2000. 52 с.
49. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. Учебное издание. Воронеж, «Истоки», 2012. 178 с.
50. Сухих С.А. Репрезентативная сущность личности в коммуникативном аспекте реализаций [Текст] / С.А. Сухих, В.В. Зеленская. Краснодар, КубГУ, 1997. 332 с.
51. Тарасенко Т.П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф. дис. канд. филол. наук // Краснодар, 2007. 48 с.
52. Тихонова Д.В. Понятие «языковая личность»: история возникновения, значение, типология // Приоритетные направления развития науки и образования: материалы X Междунар. науч.–практ. конф. (Чебоксары, 16 окт. 2016 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.] Чебоксары, ЦНС «Интерактив плюс», 2016. № 3 (10). С. 112-116.
53. Толстой А.Н. Петр Первый: роман. / Алексей Толстой. СПб, Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. 704 с. (Мировая классика)
54. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М., Рус.яз., 2002. 216 с.
55. Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения: науч.-попул. М., Высш. шк., 1989. 159 с.
56. Чурилина Л.Н. «Языковая личность» в художественном тексте : монография [электронный ресурс] / Л.Н. Чурилина. 2-е изд., стереотип. М., Флинта: Наука, 2011. 240 с.
57. Шикина А.Н. Культурфилософия романтизма/ Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. №1, 2014. с. 218-221
58. Шпильная Н.Н. Стратегии и тактики коммуникативного поведения языковой личности в обыденной политической коммуникации. // Политическая лингвистика. 2017. №5. С. 222-228.

59. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика. // Структурализм: "за" и "против". М., 1975. С. 193-230.

Список использованных словарей

60. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., Азбуковник, 2009. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/freq.php>
61. Психология. Словарь. / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М., Политиздат, 1990. 494 с.
62. Философский энциклопедический словарь. М., Советская энциклопедия, 1989. 840 с.
63. Этимологический словарь русского языка. Вып. 9: Л/ Под общей ред. А.Ф. Журавлева и Н.М. Шанского. М., Изд. МГУ, 1999. 240 с.

Приложение

1. Таблица частотности употребляемых словоформ: ранжирование по частотности. Электронный ресурс. Режим доступа:
https://docs.google.com/spreadsheets/d/1iC2AdnH3dNCbh-nNYeAj4aFkreB4YJZSPxroPOb_J-g/edit?usp=sharing
2. Таблица частотности употребляемых словоформ: ранжирование по алфавиту. Электронный ресурс. Режим доступа:
https://docs.google.com/spreadsheets/d/1hhG_vx_CcVi8W5wPkjVV03WBnSNytviE6v5JBn2h1lM/edit?usp=sharing